Воля к власти

Автор:

Фридрих Ницше

Воля к власти

Фридрих Вильгельм Ницше

Фридрих Ницше

«Воля к власти» – произведение, венчающее философское творчество Фридриха Ницше. Опубликованное после смерти автора, оно вызвало настоящий резонанс и бурные споры. До сегодняшнего дня исследователи пытаются понять, что имел в виду немецкий философ и насколько его мысль была верно интерпретирована последователями. И был ли Ницше настолько уж беспринципным сторонником «культы силы» или в его афоризмах содержится нечто гораздо более глубокое и нетривиальное?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Фридрих Вильгельм Ницше

Воля к власти

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Введение[1 - Перевод Г. Рачинского.]

Ещё весной 1883 года, когда мы с братом были в Риме, он говорил, что намерен, как только окончит «Заратустру», написать своё главное теоретико-философское сочинение в прозе; когда же осенью 1884 года в Цюрихе я напомнила ему этот разговор и спросила о положении дела, он таинственно улыбнулся и намекнул, что пребывание в Энгадине было в этом отношении весьма плодотворно. Мы уже знаем из введения к восьмому тому, как велико было значение этого лета в деле разработки его главного прозаического труда. Однако нет никаких оснований думать, что основные мысли этого произведения возникли лишь в ту пору; нет, они уже полностью в поэтической форме содержатся в «Заратустре»; это совершенно ясно из того, что наброски и планы, относящиеся к концу 1882 года, т. е. ко времени до возникновения первой части «Заратустры», имеют весьма большое сходство с идейным содержанием «Воли к власти».

Но само собой разумеется, что мир новых мыслей не мог быть исчерпан в «Заратустре»; он требовал ещё и отдельного теоретико-философского прозаического изложения, продолжая в то же время из года в год расти и становиться отчётливее. Мы встречаемся поэтому в планах, относящихся к лету 1884 года, всё с теми же проблемами, что и в «Заратустре», а позднее в «Воле к власти». Всё, что им было написано с этого времени, представляет лишь дальнейшее выяснение и изображение этих основных мыслей; так, что о «Воле к власти» можно, пожалуй, сказать то же, что мой брат писал Якову Буркхардту по поводу «По ту сторону добра и зла», а именно, что в этом сочинении «говорится о тех же предметах, что и в “Заратустре”, но иначе, весьма иначе».

Что автор хотел переждать несколько лет (он говорит о шести и даже о десяти годах), прежде чем приступить к окончательной разработке этого огромного произведения, а пока собирал только драгоценные камни для стройки и занимался обширными подготовительными изысканиями по этому предмету, это более чем понятно. Кроме того, из планов, относящихся к лету 1884 года, можно усмотреть, что он в то время ещё колебался в вопросе, какую из главных своих мыслей выдвинуть на первый план и сделать средоточием этого произведения: вечное ли возвращение, или переоценку всех прежних высших ценностей, распорядок ли рангов вплоть до их вершины, сверхчеловека ли, или волю к власти как принцип жизни, роста и стремления к господству. Но с каждым годом он, по-видимому, всё яснее сознавал, что необычайная сложность жизненной ткани лучше всего может найти своё выражение в «воле к власти».

Здесь уместно задаться вопросом: когда же собственно у философа впервые зародилась эта мысль о воле к власти как воплощённой воле к жизни. На подобные вопросы в высшей степени трудно дать ответ, так как у моего брата корни его главных мыслей всегда приходится искать в весьма отдалённом времени. Для него, как и для здорового, могучего дерева, нужны были долгие годы, прежде чем мысли его могли получить свою окончательную форму и ясные очертания, за исключением, впрочем, одной: вечного возвращения, которая предстала ему впервые летом 1881 года, а год спустя получила своё выражение. Быть может, мне будет позволено привести здесь одно воспоминание, которое может дать кое-какие указания относительно времени первого возникновения мысли о воле к власти.

Осенью 1885 года, перед тем как уехать с мужем в Парагвай, мы с братом предприняли целый ряд чудесных прогулок в окрестностях Наумбурга, чтобы повидать ещё раз места, где протекло наше детство. Так, однажды, мы бродили между Наумбургом и Пфуртою по возвышенностям, с которых открывался замечательный вид вдаль; в этот вечер освещение было особенно красиво: желтовато-красное небо было покрыто тёмными, чёрными облаками, сообщавшими всему окружающему какой-то странный колорит. Эта картина вызвала брата на замечание, что облака эти напоминают ему один вечер из тех времён (1870), когда он был санитаром на театре войны (нейтральная Швейцария не позволяла профессору своего университета отправиться на войну в качестве солдата). Обучившись уходу за больными в Эрлангене, он получил от тамошнего комитета поручение отправиться в качестве уполномоченного и начальника санитарного отряда на поле битвы. Ему доверены были большие суммы и дан был ряд личных поручений: так что ему пришлось переезжать от лазарета к лазарету, от одной амбулатории к другой в районе военных действий, останавливаясь только для того, чтобы оказать помощь раненым и умирающим и принять от них их последнее прощание близким и родным. Что пришлось перенести за это время сострадательному сердцу моего брата – не поддаётся описанию, ещё месяцы спустя ему слышались стоны и жалобные вопли несчастных раненых. В первые годы он почти не мог говорить об этом, и когда Роде однажды в моём присутствии жаловался, что так мало слышал от своего друга о пережитом им в бытность его санитаром, брат мой с выражением муки на лице заметил: «Об этом не надо говорить, это невозможно; нужно гнать от себя эти воспоминания!» И в тот осенний день, о котором я начала говорить, он рассказал мне только, как однажды вечером, после всех этих ужасных скитаний, он «с сердцем, почти разбитым состраданием» приехал в маленький городок, через который пролегла большая дорога. Когда он обогнул городскую стену и прошёл несколько шагов вперёд, он вдруг услышал шум и грохот, и мимо него, как

сверкающая молниями туча, пронёсся красивый кавалерийский полк, великолепный как выражение народного мужества и задора. Но вот стук и гром усиливаются, и за полком в стремительнейшем темпе несётся его любимая полевая артиллерия и, ах, как больно было ему не иметь права вскочить на коня и быть вынужденным, сложа руки, стоять у этой стены! Напоследок шла пехота беглым шагом: глаза сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота. И когда всё это шествие вихрем пронеслось мимо него в битву, – быть может, навстречу смерти, – столь величественное в своей жизненной силе, в своём мужестве, рвущемся в бой, являя собой такое полное выражение расы, решившей победить, властвовать или погибнуть, – «тогда я ясно почувствовал, сестра, – так закончил свой рассказ мой брат, – что сильнейшая и высшая воля к жизни находит своё выражение не в жалкой борьбе за существование, но в воле к битве, к власти и превосходству!» «Но, – продолжал он, немного помолчав и вглядываясь в пылающее вечернее небо, – я чувствовал также, как хорошо то, что Вотан влагает жестокое сердце в грудь вождей; как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая тысячи на смерть, чтобы тем привести к господству свой народ, а вместе с ним и себя». – Многие, бесконечно многие пережили в то время нечто подобное, но глаза философа смотрят иначе, чем глаза остальных людей, и он извлекает новые познания из таких переживаний, которые ничего не дают другим. Насколько иным и несравненно более сложным должно было казаться ему столь перевозносимое Шопенгауэром чувство сострадания, когда он впоследствии, возвращаясь мысленно к этим событиям, сопоставлял это чувство с представшим тогда его взору чудесным видением воли и жизни, битвы и мощи. В этой последней воле он видел такое душевное состояние, которое обеспечивает человеку полную гармонию его наиболее могущественных инстинктов, его совести и его идеалов; это состояние он усматривал не только в исполнителях такой воли к власти, но также и прежде всего в самом полководце. Быть может именно тогда впервые перед ним предстала проблема страшного и губительного влияния, которое может иметь сострадание, как некоторая слабость, в те высшие и труднейшие минуты, когда решается судьба народов, и насколько справедливо поэтому предоставление великому человеку, полководцу, права жертвовать людьми для достижения высших целей.

В какой глубокой захватывающей форме появляется впервые эта мысль о воле к власти в поэтических образах «Заратустры»; при чтении главы «О самообладании» во мне всегда встаёт тихое воспоминание об изображённых мною только что переживаниях, в особенности при следующих словах:

«Где я находил живое, там находил я и волю к власти; и даже в воле слуги – и там я находил волю стать владыкой».

«Что сильнейшему должно служить слабейшее, в этом слабейшее убеждается своей волей, стремящейся стать владыкой над ещё слабейшим: одной лишь этой радости не согласно оно лишиться».

«И как меньшее отдаётся большему, чтобы самому властвовать над ещё меньшим и радоваться о нём: так и самое великое в свою очередь отдаёт себя и могущества ради полагает жизнь свою».

«В том и самопожертвование высшего, что оно и отвага, и опасность, и игра в кости, где ставкой является смерть».

Весной 1885 года, по завершении четвёртой части «Заратустры», мой брат, насколько можно судить по его заметкам, уже решил сделать волю к власти, как жизненный принцип, средоточием своей главной теоретико-философской работы. Нам попадаетеся заглавие: «Воля к власти, толкование мирового процесса». Зимой 1885/86 года он собирался сначала написать на эту тему небольшое сочинение, к которому у нас имеется целый ряд набросков. Он называет его: «Воля к власти. Опыт нового миротолкования». Совершенно понятно, что он останавливался в смущении перед необъятностью задачи – изобразить волю к власти в природе, жизни, обществе, как волю к истине, религии, искусству, морали, проследив её во всех её отдалённейших последствиях. Увы, как часто, вероятно, ему приходилось с отчаянием говорить себе: «Один! Всегда один! И один в этом огромном лесу, в этих дебрях!» И вот, чтобы хоть немного облегчить себе задачу и сделать её обозримее, он снова и снова пробует разбить свой большой труд на более мелкие, менее объёмистые трактаты. Так, весной 1886 года, он набрасывает план десяти новых произведений, которые могли бы быть выпущены в свет в качестве новых «Несвоевременных размышлений».

Но во время своего пребывания в Лейпциге, в мае-июне 1886 года, в то время как он вёл переговоры с издателем по поводу напечатания «По ту сторону», он пришёл к окончательному решению, независимо от «По ту сторону», которое должно было представлять некоторое предуготовление к большому произведению (на самом же деле было отдельным куском этого последнего) – посвятить ближайшие годы целиком разработке и печатанию «Воли к власти». Я вправе, быть может, высказать предположение, что это пребывание (в мае-июне

1886 года) в Лейпциге отняло у него последнюю надежду найти себе сотоварищей и сотрудников для этой большой работы. Эта надежда на сотрудничество друзей, которая при слабости его глаз представлялась для него вдвойне соблазнительной и, несмотря на пережитые им крупные разочарования, постоянно вновь пробуждалась в нём, была от дней юности восторженной грёзой его души, – грёзой, которой не суждено было осуществиться. Он пишет:

«Проблемы, перед которыми я стоял, представлялись мне проблемами столь коренной важности, что мне почти каждый год по несколько раз представлялось, что мыслящие люди, которых я знакомил с этими проблемами, должны были бы из-за них отложить в сторону свою собственную работу и всецело посвятить себя моим задачам. То, что каждый раз в результате получалось, представляло такую комическую и жуткую противоположность тому, чего я ожидал, что я, старый знаток людей, стал стыдиться самого себя и был принуждён снова и снова усваивать ту элементарную истину, что люди придают своим привычкам в сто тысяч раз больше важности, чем даже – своим выгодам...»

Все дельные люди, бывшие его друзья и знакомые, казались погружёнными в свои собственные работы; даже Петер Гаст, единственный помогавший ему друг, ставил всё же главной задачей своей жизни и деятельности, согласно желаниям самого моего брата, занятие музыкой. А полезны могли быть ему только наиболее способные из сотрудников. Тогда его охватила мучительная уверенность, что он никогда не найдёт себе сотоварища для труднейших своих работ, что ему придётся всё, всё делать одному и в абсолютном одиночестве совершать свой трудный путь. Летом 1886 года, во время чтения корректур «По ту сторону», которым брат занимался в Сильс-Мария, он пользовался каждым свободным часом для разборки накопившегося материала для предполагаемых четырёх томов его главного сочинения. Он свёл воедино весь план своей колоссальной работы и наметил ход мыслей, охватывавший всё произведение и в существенных своих чертах, за малыми изменениями, сохранённый им до конца. (Содержание третьей книги вошло впоследствии в четвёртую и вставлена была совершенно новая третья книга.) План, относящийся к лету 1886 года, гласит следующее:

«Воля к власти»

Опыт переоценки всех ценностей

В четырёх книгах

Книга первая: Наивысшая опасность (изображение нигилизма как неизбежного следствия прежних оценок).

Огромные силы освобождения от оков, но они находятся в противоречии друг к другу; раскованные силы взаимно уничтожают себя. В демократическом строе общества, где всякий – специалист, нет места для «зачем?», «для кого?» Нет сословия, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных (обращение их жизни в некоторую функцию) находили бы свой смысл.

Вторая книга: Критика ценностей (логика и т. д.). Везде выставить на вид дисгармонию между идеалом и отдельными его условиями (например, честность у христиан, постоянно принуждённых прибегать ко лжи).

Третья книга: Проблема законодателя (в ней история одиночества). Раскованные силы надо вновь связать, дабы они не уничтожали друг друга; открыть глаза на действительное умножение силы!

Четвёртая книга: Молот. Какие свойства должны иметь люди, устанавливающие обратные ценности? – Люди, которые обладают всеми свойствами современной души, но в то же время и достаточно сильны для возвращения этим свойствам полного здоровья; их средства для достижения этой задачи.

«Сильс-Мария. Лето, 1886».

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы вздумали предположить, что автор «Воли к власти» хотел дать в этом произведении свою систему. Мы знаем, как мало доверял он всяким системам, и как всегда считал он печальным признаком для философа, когда тот замораживал свои мысли в систему. «Систематик – это такой философ, – восклицает он, – который не хочет больше признавать, что дух его живёт, что он подобно дереву мощно стремится вширь и ненасытно захватывает всё окружающее – философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырёхугольную глупость, “систему”».

Бесспорно, он желал изобразить в этом большом произведении свою философию, своё мировоззрение, но во всяком случае не как догму, но как предварительный регулятив для дальнейших исследований.

Осенью 1886 года брату пришлось прервать на несколько месяцев свою работу над «Волей к власти», так как он писал в это время предисловия для нового издания своих ранее появившихся сочинений, а также пятую книгу «Весёлой науки», но в январе 1887 года всё было готово к печати и отослано; он вернулся снова к работе над своим главным сочинением. Февраль 1887 года принёс с собой страшное землетрясение в Ницце, которое он пережил с замечательным спокойствием и присутствием духа. Он пишет по этому поводу Гасту 24 февраля 1887 года: «Любезный друг, быть может вас беспокоили известия о нашем землетрясении; пишу вам два слова, чтобы сообщить вам по крайней мере, как дело обстоит относительно меня. Весь город переполнен людьми с потрясёнными нервами, паника в отелях прямо невероятная. Этой ночью, около 2–3 часов, я сделал обход и навестил некоторых из своих добрых знакомых, которые на открытом воздухе, на скамейках или в пролётках, надеялись избежать опасности. Сам я чувствую себя хорошо: страха не было ни минуты, – скорее очень много иронии!»

Ницца совершенно опустела после этого происшествия, что не помешало однако моему брату остаться там на всё заранее намеченное им время, несмотря даже на повторение подземного удара. Его так мало затронули эти внешние обстоятельства, что он среди всех волнений, вызванных землетрясением в Ницце, невозмутимо продолжал комбинировать в своём уме основную свою работу и притом по нижеследующему плану:

«Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей

Первая книга

Европейский нигилизм

Вторая книга

Критика существующих высших ценностей

Третья книга

Принцип новой оценки

Четвёртая книга

Воспитание и дисциплина

Набросано 17 марта 1887, Ницца».

Этот план, который по своему общему распорядку почти тождествен вышеприведённому, относящемуся к лету 1886-го, оставался в силе до конца зимы 1888 года. В заключительных замечаниях мы ещё подробнее скажем о позднейших планах и отдельных фазах возникновения «Воли к власти».

Мы со своей стороны были принуждены положить в основу настоящего издания план от 17 марта 1887 года, ибо он был единственным, дававшим довольно ясные указания относительно конструкции произведения. Кроме того, общие точки зрения, намеченные в рубриках плана, оставляют самый широкий простор для размещения, сообразно его смыслу, имеющегося богатого материала, относящегося к другим планам. Этот план оказался особенно удобным для настоящего нового издания, благодаря ему многие главы связаны друг с другом совершенно последовательным ходом мыслей. Но естественно, что и теперь ещё есть много пробелов, так что вдумчивый читатель сам принуждён приложить руку к делу, чтобы достичь общего взгляда на целое. Предлагаемое произведение представляет в настоящем своём виде немаловажное преимущество: оно даёт возможность в значительно большей степени, чем первое издание, заглянуть в духовную лабораторию автора. Мы как бы видим перед своими глазами возникновение мыслей и можем одновременно наблюдать, как беспристрастно мой брат проверяет свои собственные мысли, не пытаюсь никогда скрывать от себя возможные слабые и недоказуемые стороны поставленных им проблем. Обстоятельность, с которой они кое-где трактуемы, автор в законченном произведении быть может устранил бы (хотя этого нельзя утверждать с уверенностью), для нас же она является большим преимуществом, так как даёт нам возможность лучше проникнуть в ход его мыслей. Как много недоразумений может вызывать краткость изложения его мыслей, поучительным примером тому могут служить «Сумерки кумиров». Автор прямо называет «Сумерки кумиров» извлечением из «Воли к власти»; но как ошибочно

была понята эта маленькая книжка, именно ввиду её краткости! Читатели, по-видимому, предположили, что эти основоположные новые мысли представляют собою просто беглые наброски; никто, по-видимому, и не подозревал, на какие широкие предварительные исследования они опирались. Будем надеяться, что настоящее новое издание «Воли к власти» даст об этом лучшее представление.

Число афоризмов в этом новом издании увеличено приблизительно на 570 номеров. При этом, конечно, попадаются повторения, но каждый раз с другим оттенком и в другой связи, что необыкновенно способствует уяснению мысли. Многим импровизациям и некоторым, так сказать, пробным постановкам вопросов и проблем вдумчивый читатель сумеет сам дать надлежащее толкование и сам попытается установить то или другое решение задачи. «Но прежде всего, – как говорит Петер Гаст, – он будет восхищён неисчерпаемостью ницшевского гения в обработке намеченных тем: как он всё снова и снова кружит вокруг них, находя в них всё более неожиданные стороны, и при этом умеет выразить их в словах, передающих их внутреннее существо».

Грандиозный труд, представлявшийся автору, остался неоконченным. Нам, издателям ницшевского архива, выпало на долю, по мере слабых наших сил, добросовестно собрать в одно целое, руководствуясь дошедшими до нас указаниями автора, драгоценные камни, заготовленные для стройки. Этого не удалось сделать тотчас при первом же издании в удобной для обозрения целого форме, и тяжело было тогда, вспоминая намерения автора, выпускать в свет этот труд в таком несовершенном виде. Быть может это новое, значительно дополненное издание вышло немного удачнее; но если представить себе, как собственная рука мастера разработала бы этот огромный материал, с той же логической последовательностью, как, например, в «Генеалогии морали», пронизать его блеском своего несравненного стиля, – какое бы произведение мы бы имели теперь пред собою! И ещё более усугубляет нашу печаль то, что мы из его личных набросков знаем, как он представлял себе выполнение своего главного философско-теоретического труда:

«К введению: мрачная уединённость и пустынность *Campana romana* [2 - Римская Кампанья (лат.)]. Терпение в неопределённом и неизвестном».

«Моё произведение должно содержать общий приговор над нашим столетием, над всей современностью, над достигнутой “цивилизацией”».

«Каждая книга есть завоевание, хватка – tempo lento[3 - Протяжно (итал., муз. термин).] – до самого конца драматическая поза, наконец, катастрофа и внезапное искупление».

Нельзя без чувства глубокого волнения читать приводимую ниже обстоятельную заметку, в которой автор сам устанавливает для себя ту руководящую нить, которой он предполагает держаться при выполнении своей основной работы. Он облачает эти предначертания пока в форму афоризма и даёт им заголовок: «Совершенная книга». Но чем дальше он подвигается в этом изложении своих предначертаний, тем заметнее становится, что речь идёт о его собственной книге, и именно о том главном его произведении, в котором он вознамерился изобразить во всей полноте свою философию. Он пишет осенью 1887 года:

«Совершенная книга. Иметь в виду:

1. Форма, стиль. Идеальный монолог. Всё, имеющее «учёный» характер, скрыто в глубине. – Все акценты глубокой страсти, заботы, а также слабостей, смягчений; солнечные места, – короткое счастье, возвышенная весёлость. Преодоление стремления доказывать; абсолютно лично. Никакого «я»... – Род мемуаров; наиболее абстрактные вещи – в самой живой и жизненной, полной крови, форме. – Вся история, как лично пережитая, результат личных страданий (только так всё будет правдой)... – Как бы беседа духов; вызов, заклинание мёртвых. – Возможно больше видимого, определённого, данного на примере; но остерегаться вопросов настоящего дня. – Избегать слов «аристократично, благородно», и вообще всех слов, могущих вызвать предположение, что автор выводит на сцену самого себя. – Не «описание»; все проблемы переведены на язык чувства, вплоть до страсти.

2. Коллекция выразительных слов. Предпочтение отдавать словам военным. Слова, замещающие философские термины: по возможности немецкие и отчеканенные в формулу. Изобразить все состояния наиболее духовных людей; так, чтобы охватить их ряд во всём произведении (состояния законодателя, искусствителя, человека, принуждённого к жертвоприношению, колеблющегося, великой ответственности, страдания от непознаваемости, страдания от необходимости казаться не тем, что ты есть, страдания от необходимости причинять другому боль, сладострастие разрушения).

3. Построить всё произведение с расчётом на конечную катастрофу».

Я прибавлю ещё несколько пояснений по поводу тем, трактуемых главным образом в первых двух книгах «Воли к власти»: нигилизма и морали. Известно, как неверно было понято отношение автора именно к этим двум материям. Быть может, именно слова «нигилизм», «иммориализм», «неморальность» («нигилистично», «неморально») подали главным образом повод к недоразумению. Поэтому я ещё раз хочу подчеркнуть, что нигилизм и нигилистично ничего не имеют общего с какой-либо политической партией, но обозначают то состояние, при котором отвергаются ценность и смысл жизни, а равным образом и всякие идеалы. Столь же мало общего имеют слова иммориализм, неморальность с половой невоздержанностью и распущенностью, как то предположили пошлые, грубые и глупые люди, основываясь на том, что в обыденной жизни эти слова иногда употребляются в подобном смысле. Мой брат понимал под моралью «систему оценок, соприкасающуюся с нашими жизненными условиями». Против этой системы наших современных оценок, не находящих себе оправдания в данных физиологии и биологии, а потому противоречащих смыслу жизни, обращены его термины «иммориалист» и «неморальность». Быть может, было бы лучше, если бы он в этих целях установил и употреблял слова «амориализм» и «аморально», ибо несомненно много недоразумений было бы тем предотвращено. В общем же мне хотелось бы ещё подчеркнуть, что критику наших современных моральных ценностей может себе позволить только такой высоко стоящий философ, как Ницше, который всем своим жизненным поведением столь ясно доказал, что он не только совершеннейшим образом осуществляет эти ценности, но стоит выше их, почему и имеет право поставить себе ещё более высокую цель и ещё более высокие требования. Подобные цели и проблемы – удел весьма немногих; во всяком случае для этого надо иметь, как он сам пишет: «Чистые руки, а не грязные лапы».

Но прежде всего я должна ещё раз обратить внимание на то, что его философия имеет в виду распорядок рангов, а не индивидуалистическую мораль: «стадное понимание пусть и царит в стаде, но не переходит за пределы его». Но он не только говорит, что мы должны быть глубоко благодарны морали за то, что она совершила в течение тысячелетий, но он требует и безусловного признания святости бывшей до сего времени в ходу морали. Тот, кто желает стать выше её, должен за то нести и страшную ответственность и доказать своё право на это незаурядными поступками. Петер Гаст пишет об этом: «Ницше проповедует только исключительным людям и предкам будущих исключительных людей. До народа ему нет дела; для народа тысячи «мыслителей» в досталь излагали свои мысли, а для более редких почти никто. Правда, что косвенным путём, через посредство таких исключительных людей, дух Ницше проникнет и в массы и

очистит когда-нибудь воздух от всего изнеживающего, ослабляющего, порочного в нашей культуре. Ницше – нравственная сила первого ранга! Нравственнее, чем всё, что ныне называет себя нравственным!»

Быть может, также слова «стадо», «стадное животное», «стадная мораль» могли вызвать неприятное впечатление; мой брат сам воспользовался случаем сказать по этому поводу кое-что в своё оправдание: «И сделал открытие, но это открытие не из приятных: оно унизительно для нашей гордости. Как бы мы ни считали себя свободными, мы – свободные духом, – ибо мы говорим здесь между нами, – но в нас также живёт чувство, которое всё ещё оскорбляется, когда кто-нибудь причисляет человека к животным; поэтому с моей стороны представляется тяжким проступком и нуждается в оправдании, что я постоянно бываю принуждён говорить о нас в терминах “стадо” и “стадные инстинкты”».

Правда, он не считает нужным давать объяснения, почему он выбрал именно эти термины и так обильно пользуется ими; я думаю только потому, что сам он (хотя он шутливо и утверждает противное) не находил в этих словах ничего обидного: ведь выросли мы в религиозном кругу, а в этом кругу «стадо» и «пастух» употребляются без всякого связанного с ними унизительного смысла.

Да и вообще некоторые его выражения, которым он часто придавал совершенно новый смысл, неоднократно вызвали недоразумения, как, например, «злоба» и «злой». В обоих этих словах прежде слышался оттенок чего-то «коварного» и «дурного», между тем как он понимал под этим нечто жёсткое, строгое, и вместе с тем заносчивое, – но во всяком случае также и некоторый повышенный строй души. Поэтому он и пишет Брандесу: «Многие слова у меня пропитались совсем другими солями и для моего языка имеют совсем другой вкус, чем для моих читателей».

К сожалению, условия места принудили нас разделить «Волю к власти» на две части и притом не особенно удачно, так как меньшая часть третьей книги перешла при этом в десятый том. Но тома девятый и десятый так тесно связаны между собой по своему содержанию, что должны быть непременно прочитаны заодно; поэтому в конце концов безразлично, на каком делении остановиться.

Элизабет Фёрстер-Ницше Веймар, август 1906 г.

Предисловие

1

Великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно, т. е. цинично и с непорочностью.

2

То, о чём я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: появление нигилизма. Эту историю можно теперь уже рассказать, ибо сама необходимость приложила здесь свою руку к делу. Это будущее говорит уже в сотне признаков, это судьба повсюду возвещает о себе, к этой музыке будущего уже чутко прислушиваются все уши. Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто; подобно потоку, стремящемуся к своему исходу, не задумываясь, боясь задумываться.

3

Говорящий здесь, наоборот, только и занят был до сих пор тем, что задумывался: как философ и отшельник по инстинкту, находивший свою выгоду в том, чтобы жить в стороне, вне движения, терпеть, не торопиться, уже блуждавший когда-то по каждому из лабиринтов будущего; как дух вещей птицы, обращающий назад свои взоры, когда он повествует о грядущем; как первый совершенный нигилист Европы, но уже переживший в себе до конца этот нигилизм, – имеющий этот нигилизм за собой, вне себя.

4

Ибо пусть не ошибаются относительно смысла заглавия, приданного этому Евангелию будущего. «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей» – в этой формуле выражено некое противоборствующее движение по отношению к принципу и задаче, – движение, которое когда-нибудь в будущем сменит

вышесказанный совершенный нигилизм, но для которого он является предпосылкой, логической и психологической, которая может возникнуть исключительно после него и из него. Ибо почему появление нигилизма в данное время необходимо? Потому, что все вещи, бывшие до сих пор в ходу ценности сами находят в нём свой последний выход; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, – потому, что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была ценность этих «ценностей»... Нам нужно когда-нибудь найти новые ценности...

Фридрих Ницше

Книга первая

Европейский нигилизм[4 - Перевод Е. Герцык.]

1

[К плану]

Нигилизм стоит за дверями: откуда идёт к нам этот самый жуткий из всех гостей?

1. Исходная точка – в ошибочном указывании на «бедственное состояние общества» или «физиологическое вырождение», или, пожалуй, ещё на испорченность, как на причины нигилизма. Нужда душевная, телесная, интеллектуальная; нужда сама по себе решительно не способна породить нигилизма (т. е. радикальное отклонение ценности, смысла, желательности). Эти виды нужды претерпевают самые разнообразные истолкования, в то время как в одном вполне определённом толковании – христианско-моральном, заложен корень нигилизма.

2. Гибель христианства – от его морали (она неотделима); эта мораль обращается против христианского Бога (чувство правдивости, высоко развитое

христианством, начинает испытывать отвращение к фальши и изолганности всех христианских толкований мира и истории. Резкий поворот назад от «Бог есть истина» к фанатической вере «Всё ложно». Буддизм дела...).

3. Скепсис по отношению к морали является решающим. Падение морального мироистолкования, не находящего себе более санкции, после того как им была сделана попытка найти убежище в некоторой потусторонности: в последнем счёте – нигилизм. «Всё лишено смысла» (невозможность провести до конца толкование мира, на которое была потрачена огромная сила, вызывает сомнение, не ложны ли все вообще истолкования мира). Буддистская черта, стремление в ничто. (Индийский буддизм не имеет за собой коренного морального развития, поэтому в его нигилизме является только неопределённая мораль: бытие как наказание, комбинированное с бытием как заблуждением, следовательно заблуждение как наказание – моральная оценка). Философские попытки преодолеть «морального Бога» (Гегель, пантеизм). Преодоление народных идеалов: мудрец, святой, поэт. Антагонизм «истинного», «прекрасного» и «доброего».

4. Против «бессмысленности» с одной стороны, против моральных оценок с другой стороны: в какой мере вся наука и философия были до сих пор под властью моральных суждений? И не получается ли тут в придачу, вражда со стороны науки или антинаучности? Критика спинозизма. В социалистических и позитивистических системах – везде задержавшиеся христианские оценки. Недостаёт критики христианской морали.

5. Нигилистические следствия современного естествознания (рядом с попытками бегства в потустороннее). Как следствие занятия им – в конце концов саморазложение, поворот против себя, антинаучность. С Коперника человек катится от центра в икс.

6. Нигилистические следствия политического и экономического образа мыслей, где все «принципы» прямо могут быть отнесены к актёрству: веяние посредственности, ничтожества, неискренности и т. д. Национализм. Анархизм и т. д. Наказание. Недостаёт искупляющего сословия и человека; недостаёт оправдывателей.

7. Нигилистические выводы «истории» и «практических историков», т. е. романтиков. Положение искусства: абсолютная не оригинальность его положения в современном мире. Его помрачение. Так называемое олимпийство

Гёте.

8. Искусство и приуготовление нигилизма: романтика (вагнеровское заключение Нибелунгов).

I. Нигилизм

[1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия]

2

Что обозначает нигилизм? – То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»

3

Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется сознание, что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которое было бы «божественным», воплощённой моралью.

Это сознание есть следствие возвращённой «правдивости»; следовательно само оно – результат веры в мораль.

4

Какие преимущества представляла христианская моральная гипотеза?

1. Она придавала человеку абсолютную ценность, в противоположность его малости и случайности в потоке становления и исчезновения.

2. Она служила адвокатам Бога, оставляя за миром, несмотря на страдание и зло, характер совершенства, включая сюда и «свободу» – зло являлось полным смыслом.

3. Она полагала в человеке знание абсолютных ценностей и тем давала ему нечто важнейшее для адекватного познания.

4. Она охраняла человека от презрения к себе как к человеку, от восстания с его стороны на жизнь, от отчаяния в познании: она была средством сохранения.

In summa: мораль была великим средством для противодействия практическому и теоретическому нигилизму.

5

Но среди тех сил, которые взрастила мораль, была правдивость: она в конце концов обращается против морали, открывает её телеологию, её корыстное рассмотрение вещей, – и вот постижение этой издавна вошедшей в плоть и кровь изолганности, от которой уже отчаялись отделаться, действует как стимул.

Мы констатируем теперь в себе потребности, насаждённые долгой моральной интерпретацией, они представляются нам ниже потребностью в неправде; с другой стороны, с ними, по-видимому, связана ценность, ради которой мы выносим жизнь. Этот антагонизм – не ценить того, что мы познаём, и не быть более в праве ценить ту ложь, в которой мы хотели бы себя уверить, – вызывает процесс разложения.

6

Антиномия вот в чём: поскольку мы верим в мораль, мы осуждаем бытие.

7

Высшие ценности, в служении которым должна была бы состоять жизнь человека, в особенности тогда, когда они предъявляют к нему самые тяжёлые и дорого обходящиеся требования, эти социальные ценности – дабы усилить их звучание, как неких велений Божьих, – были воздвигнуты над человеком как «реальность», как надежда, как «истинный» и грядущий мир. Теперь, когда выясняется низменный источник этих ценностей, то и вселенная представляется нам обесцененной, «бессмысленной»... но это только переходное состояние.

8

Нигилистический вывод (вера в отсутствие ценностей) как следствие моральной оценки; эгоистическое ненавистно нам (даже при сознании невозможности неэгоистического); необходимость нам ненавистна (даже при сознании невозможности *liberum arbitrium*'а[5 - Права на свободу (лат.)] и «умопостигаемой свободы»). Мы видим, что не достигаем той сферы, куда были вложены ценности, но тем самым та другая сфера, в которой мы живём, ещё ни мало не выиграла в ценности: напротив того, мы устали, ибо потеряли главное наше побуждение. «Доселе напрасно!»

9

Пессимизм как форма, предшествующая нигилизму.

10

Пессимизм как сила – в чём? В энергии его логики, как анархизм и нигилизм, как аналитика.

Пессимизм как упадок – в чём? Как изнеженность, как космополитическая сочувственность, как «*tout comprendre*»[6 - Всё понять, всепонимание (фр.)] и историзм.

Критическая напряжённость: крайности выступают вперёд и получают перевес.

11

Логика пессимизма – что влечёт её к крайнему нигилизму? Понятие отсутствия ценности, отсутствия смысла: поскольку моральные оценки скрываются за всеми другими высокими ценностями.

Результат: моральные оценки суть обвинительные приговоры, отрицания, мораль есть отвращение от воли к бытию...

12

[Падение космологических ценностей]

1.

Нигилизм как психологическое состояние должен будет наступить, во-первых, после поисков во всём совершающемся «смысла», которого в нём нет: ищущий в конце концов падает духом. Нигилизм является тогда осознанием долгого расточения сил, мукой «тщетности», неуверенностью, отсутствием возможности как-нибудь отдохнуть, на чём-нибудь ещё успокоиться – стыдом перед самим собою, как будто самого себя слишком долго обманывал... Искомый смысл мог бы заключаться в следующем: «осуществление» некоего высшего нравственного канона во всём совершающемся, нравственный миропорядок; или рост любви и гармонии в отношении живых существ; или приближение к состоянию всеобщего счастья; или хотя бы устремление к состоянию всеобщего «ничто» – цель сама по себе есть уже некоторый смысл. Общее всем этим родам представлений – предположение, что нечто должно быть достигнуто самим процессом – и вот наступает сознание, что становлением ничего не достигается, ничего не обретается... Следовательно – разочарование в кажущейся цели становления как причина нигилизма: разочарование по отношению к вполне определённой цели, или вообще, сознание несостоятельности всех доныне существующих гипотез цели, охватывающих собой весь путь «развития» (человек более не соучастник, тем паче – не средоточие становления).

Нигилизм как психологическое состояние наступает, во-вторых, тогда, когда во всём совершающемся и подо всем совершающимся предполагается некая цельность, система, даже организация: так что душа, жаждущая восхищения и благоговения, упивается общим представлением некоторой высшей формы власти и управления (если это душа логика, то достаточно уже абсолютной

последовательности и реальной диалектики, чтобы примирить её со всем...). Какое-либо единство, какая-либо форма «монизма»: и как следствие этой веры – человек, чувствующий себя в тесной связи и глубокой зависимости от некоего бесконечно превышающего его целого – как бы *modus*[7 - Образ, вид, преходящее свойство (лат.)] божества... «Благо целого требует самопожертвования отдельного»... И вдруг – такого «целого» нет! В сущности человек теряет веру в свою ценность, если через него не действует бесконечно ценное целое: иначе говоря, он создал такое целое, чтобы иметь возможность верить в свою собственную ценность.

Нигилизм как психологическое состояние имеет ещё третью, и последнюю, форму. Если принять те два положения, что путём становления ничего не достигается и что под всем становлением нет такого великого единства, в котором индивид мог бы окончательно потонуть, как в стихии высшей ценности, то единственным исходом остаётся возможность определить весь этот мир становления как морок и измыслить в качестве истинного мира новый – потусторонний нашему. Но как только человек распознаёт, что этот новый мир создан им только из психологических потребностей и что он на это не имел решительно никакого права, возникает последняя форма нигилизма, заключающая в себе неверие в метафизический мир, – запрещающая себе веру в истинный мир. С этой точки зрения реальность становления признаётся единственной реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам, – но с другой стороны этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым...

– Что же в сущности произошло? Сознание отсутствия всякой ценности было достигнуто, когда стало ясным, что ни понятием «цели», ни понятием «единства», ни понятием «истины» не может быть истолкован общий характер бытия. Ничего этим не достигается и не приобретает, недостаёт всеобъемлющего единства во множестве совершающегося: характер бытия не «истинен», а ложен... в конце концов нет более основания убеждать себя в бытии истинного мира... Коротко говоря: категории «цели», «единства», «бытия», посредством которых мы сообщили миру ценность, снова изымаются нами – и мир кажется обесцененным...

2.

Положим, мы осознали, в какой мере нельзя более истолковывать мир посредством этих трёх категорий, и что вслед за этим признанием мир начинает

утрачивать для нас свою ценность, – в таком случае мы должны спросить себя, откуда берёт начало наша вера в эти три категории: попробуем решить, нельзя ли отказать и им в нашем доверии! Если нам удастся обесценить эти три категории, то доказанная неприложимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы обесценивать это целое.

Результат: вера в категории разума есть причина нигилизма, мы измеряли ценность мира категориями, которые относятся к чисто вымышленному миру.

Конечный результат: все ценности, посредством которых мы доныне сперва пытались сообщить миру ценность, а затем ввиду их неприменимости к нему, обесценивали его – все эти ценности, рассматриваемые психологически, суть результаты определённых утилитарных перспектив, имеющих в виду поддержание и усиление идеи человеческой власти, что ложно проецированы нами в существо вещей. Это – всё та же гиперболическая наивность человека: полагать себя смыслом и мерой ценности вещей...

13

Нигилизм представляет собой патологическое промежуточное состояние (патологична огромность обобщения, заключение о полном отсутствии смысла), в данном случае либо продуктивные силы не имеют ещё надлежащей мощи, либо декаданс ещё медлит и его вспомогательные средства ещё не изобретены им.

Предпосылка этой гипотезы: нет никакой истины, нет абсолютных свойств вещей, нет «вещи в себе». Это само по себе только нигилизм и притом крайний. Он видит ценность вещей именно в том, что этим ценностям не соответствует и, вообще, не соответствует реальности, это лишь симптомы силы на стороне устанавливающих ценности, симптомы упрощения в целях жизни.

14

Ценности и их изменения стоят в связи с возрастанием силы лица, устанавливающего ценности. Степень неверия и допускаемой «свободы духа» – мерило возрастания силы.

«Нигилизм» как идеал высшего могущества ума, избытка жизни, частью – разрушительный, частью – иронический.

15

Что есть вера? Как возникает она? Всякая вера есть признание чего-либо за истинное.

Крайней формой нигилизма был бы тот взгляд, что всякая вера, всякое признание чего-либо за истинное неизбежно ложно, ибо вовсе не существует истинного мира. Следовательно – это иллюзия перспективы, источник которой заключён в нас самих (поскольку мы постоянно нуждаемся в более узком, сокращённом, упрощённом мире). Мерилом наших сил служит то, в какой мере можем мы, не погибая от этого, признать эту иллюзорность и эту необходимость лжи.

Такой нигилизм, как отрицание истинного мира, бытия, мог бы быть божественным образом мысли.

16

Если мы и «разочарованные», то не по отношению к жизни, – у нас лишь открылись глаза на «желательности» всех видов. С насмешливой злобой смотрим мы на то, что называется «идеалами», мы презираем себя лишь за то, что не всегда можем подавить в себе то нелепое движение чувства, которое называется идеализмом. Дурная привычка сильнее, нежели гнев разочаровавшегося.

17

[В какой мере нигилизм Шопенгауэра всё ещё является следствием того же идеала, который создал христианский теизм?] Степень уверенности по отношению к высшим объектам желаний, высшим ценностям, высшему совершенству была так велика, что философы исходили из неё a priori[8 - Независимо от опыта, до опыта (лат.)], как из абсолютной уверенности: «Бог» – на вершине, как данная истина. «Уподобиться Богу», «слиться с Богом» – в

продолжение тысячелетий это были самые наивные и убедительнейшие объекты желаний (но то, что убеждает, тем самым ещё не становится истинным – оно только убедительно. Примечание для ослов).

Мы разучились признавать за этим строем идеалов также и персонифицированность, мы стали атеистами. Но разве мы отреклись от самого идеала? Последние метафизики, по существу дела, всё ещё именно в нём ищут истинную «реальность», «вещь в себе», по отношению к которой всё остальное имеет лишь кажущееся существование. Но догматом их осталось то положение, что ввиду явного не соответствия нашего мира явлений сказанному идеалу, – мир этот не есть «истинный» – и даже в основе своей не восходит к тому метафизическому миру, как к своей причине. Безусловное, поскольку оно есть высшее совершенство, не может служить основой для всего условного. Шопенгауэру, который стремился доказать обратное, нужно было мыслить эту метафизическую основу как нечто противоположное идеалу, как «злую, слепую волю»; как таковая, она могла затем стать тем «являющимся», которое открывается в мире явлений. Но и этим путём он ещё не отрекался от абсолютности идеала, он только нашёл лазейку...

(Канту казалась необходимой гипотеза «умопостигаемой свободы», чтобы снять с *ens perfectum*[9 - Сущестующего совершенства (лат.)] ответственность за данный характер этого мира, – одним словом, чтобы объяснить зло и грех: логика скандальная – для философа...)

18

Самый общий признак современной эпохи: невероятная убыль достоинства человека в его собственных глазах. Долгое время он вообще – средоточие и трагический герой бытия; затем он озабочен по меньшей мере тем, чтоб доказать своё родство с решающей и ценной в себе стороной бытия – так поступают все метафизики, желающие удержать достоинство человека верою в то, что моральные ценности суть кардинальные ценности. Кто расстаётся с Богом, тот крепче держится за веру в мораль.

19

Всякая исключительно моральная система ценностей (напр., буддийская) приводит к нигилизму: это грозит Европе! Думают обойтись одним морализмом, без религиозной основы; но это неизбежный путь к нигилизму. В религии отсутствует необходимость смотреть на нас самих как на творцов ценностей.

20

Вопрос нигилизма «зачем?» ведёт происхождение от нашей давней привычки, в силу которой цель казалась установленной, данной извне, как требование, – именно неким сверхчеловеческим авторитетом. После того как мы разучились верить в этот авторитет, мы всё ещё, по старой привычке, ищем иного авторитета, который мог бы говорить с безусловностью и предписывать нам задачи и цели. Авторитет совести выступает теперь на первый план (чем мораль свободнее от богословия, тем она становится повелительнее) как возмещение утраты личного авторитета. Или авторитет разума. Или общественный инстинкт (стадо). Или, наконец, «история» с неким имманентным духом, – история, имеющая цель в себе, которой можно свободно отдаться. Мы хотели бы избежать необходимости воли, воления цели, риска самим ставить себе цель, хотели бы сложить с себя ответственность (мы приняли бы фатализм). В конце концов, вот оно – счастье и, с некоторой долей тартюфства, счастье большинства.

Мы говорим себе:

1) определённая цель вовсе не нужна;

2) предусмотреть её невозможно.

Как раз теперь, когда нужна воля, причём в высшей мере её силы – она всего слабее и малодушнее. Абсолютное недоверие к организующей способности воли для целого.

21

Совершенный нигилист. Глаз нигилиста идеализирует в сторону безобразия, творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям: он

пренебрегает ими, даёт им оставить его, осыпаться, он не ограждает их от той мертвенно-бледной окраски, которую бессилие разливает на всё далёкое и прошедшее. И то, чего нигилист не делает по отношению к себе самому, не делает он и по отношению к прошлому всего человечества: он пренебрегает им.

22

Нигилизм. Он может иметь двойное значение:

а) Как знак повышенной мощи духа – активный нигилизм.

б) Как падение и регресс мощи духа – пассивный нигилизм.

23

Нигилизм – естественное состояние.

Он может быть показателем силы – мощь духа способна так возрасти, что ныне существующие цели («убеждения», символы веры) перестанут соответствовать ей (верование, в общем, именно и выражает собой принудительность некоторых условий существования, подчинение авторитету таких условий, при которых человеческое существо благоденствует, растёт, приобретает власть...); с другой стороны, нигилизм – показатель недостатка силы, способности вновь творчески поставить себе некую цель, спросить некое «зачем», обрести новую веру.

Максимум относительной силы он достигает как насилие, направленное на разрушение: как активный нигилизм.

[Противоположностью его был бы усталый нигилизм, утративший наступательность; его знаменитейшая форма – буддизм, как пассивный нигилизм,] как знамение слабости: сила духа может быть так утомлена, истощена, что все дотоле существовавшие цели и ценности более не соответствуют ей и уже не вызывают веры к себе, – что синтез ценностей и целей (на котором покоится всякая мощная культура) распадается и отдельные ценности восстают одна на другую (разложение), – что только всё утешающее, целящее, успокаивающее, заглушающее выступает на передний план под

разнообразными масками: религиозной или моральной, политической или эстетической и т. д.

24

Нигилизм есть не только размышление над «тщетностью!» и не только вера в то, что всё достойно гибели: он сам помогает делу, сам губит. Это, пожалуй, и не логично, но нигилист не верит в необходимость быть логичным... Сие – состояние сильных умов и воли: таковым же невозможно остановиться на «нет» как на отвлечённом приговоре, – «нет» как деяние вытекает из их природы. То, что приговором объявляется не имеющим права на существование, вслед за тем – уже действием приводится к несуществованию.

25

К генезису нигилиста. Лишь поздно является мужество признать то, что, собственно говоря, уже знаешь. Только недавно я признался себе в том, что до сих пор был нигилистом, та энергия и беззаботность, с которой я успешно подвигался в своём нигилизме, заслоняла передо мной этот основной факт. Когда идёшь к какой-нибудь цели, то кажется невозможным, чтобы «бесцельность как таковая» была твоим основным догматом.

26

Пессимизм людей энергии: «Зачем?», являющееся после страшной борьбы, даже победы. Есть нечто, в тысячу раз более важное, чем вопрос о том, хорошо ли нам или плохо – таков основной инстинкт всех сильных натур, – а отсюда и отношение к вопросу о том, хорошо ли или плохо другим. Одним словом, возможна некая цель, ради которой без колебания приносят человеческие жертвы, идут на все опасности, берут на себя всё дурное, даже худшее: великая страсть.

[2. Дальнейшие причины нигилизма]

27

Причины нигилизма:

1. Недостаёт высшего вида человека, т. е. того, неисчерпаемая плодотворность и мощь которого поддерживала в человечестве веру в человека. (Достаточно припомнить, чем мы обязаны Наполеону: почти всеми высшими надеждами этого столетия.)

2. Низший вид («стадо», «масса», «общество») разучился скромности и раздувает свои потребности до размеров космических и метафизических ценностей. Этим вся жизнь вульгаризуется: поскольку властвует именно масса, она тиранизирует исключения из неё, так что эти последние теряют веру в себя и становятся нигилистами.

Все попытки измыслить более высокие типы человека потерпели неудачу («романтик»; художник, философ – и это несмотря на усилия Карлейля придать им высшие моральные ценности).

Противоборство высшим типам как результат.

Падение и ненадёжность всех высших типов. Борьба против гения («народная поэзия» и т. д.). Сострадание к низшим и страждущим как масштаб величия души.

Нет философа, толкователя дела, – не только излагателя его в другой форме.

28

Неполный нигилизм, его формы: мы живём среди них. Попытки избегнуть нигилизма, не переоценивая бывших до сего времени в ходу ценностей, приводят к обратному результату, обостряют проблему.

29

[Способы одурманивать себя.] В глубине сердца не знать, где исход? Пустота. Попытка преодолеть это состояние опьянением – опьянение как музыка, опьянение как жестокость в трагическом самоуслаждении гибелью

благороднейшего, опьянение как слепое и мечтательное увлечение отдельными личностями и эпохами (как ненависть и т. д.). Попытка работать, не задумываясь, в качестве орудия науки; уметь находить себе ряд маленьких наслаждений, между прочим и в деле познания (скромность по отношению к самому себе); отказ от обобщений, относящихся к самому себе, возвышающийся до некоторого пафоса; мистика, сладострастное наслаждение вечной пустотой; искусство «ради него самого» («Le fait»), «чистое познание» как наркотики против отвращения к самому себе; кое-какая постоянная работа, какой-нибудь маленький глупый фанатизм; все средства вперемешку, болезнь, вызванная общей неумеренностью (распутство убивает удовольствие).

1. Слабость воли как результат.

2. Крайняя гордость и унижение от сознания своих мелких слабостей, ощущаемые благодаря контрасту.

30

Близится время, когда нам придётся расплатиться за то, что целых два тысячелетия мы были христианами: мы потеряли устойчивость, которая давала нам возможность жить, – мы до сих пор не в силах сообразить, куда нам направиться. Многие подвергаем самым противоположным оценкам, с той степенью энергии, какую всегда возбуждала в человеке крайняя переоценка человека.

Теперь всё насквозь лживо, всё – «слово», всё спутано – или слабо, или чрезмерно:

a) делается попытка некоторого рода земного решения вопроса, но в знакомом уже смысле, – в смысле конечного торжества истины, любви, справедливости (социализм – «равенство личности»);

b) равным образом совершается попытка удержать моральный идеал (с предоставлением первых мест как чему-то не связанному с эгоизмом, так и самоотречённости, отказу от воли);

с) предпринимается даже попытка удержать «потустороннее», хотя бы только антилогически, но оно немедленно же истолковывается так, чтобы из него могло быть извлечено некоторого рода метафизическое утешение в старом стиле;

d) пытаются вывести из совершающегося божественное водительство в старом стиле, нечто награждающее, карающее, воспитывающее, ведущее к лучшему порядку вещей;

e) как и прежде, верят в добро и зло, так что победа добра и уничтожение зла воспринимаются как некая задача (это характерно для англичан, типичный случай – плоский ум Джона Стюарта Милля);

f) презрение к «естественности», к вожделению, к это; попытка понять даже высшую духовность и искусство как следствие отречения от своей личности и как *desinterressement*[10 - Бескорыстие (фр.)];

g) церкви предоставляется право всё ещё вторгаться во все существенные переживания и главные моменты в жизни отдельного лица, чтобы дать им освящение, высший смысл: мы всё ещё имеем «христианское государство», «христианский брак».

31

Бывали более мыслящие и более насыщенные мыслью времена, чем наше – как, например, то время, когда явился Будда – тогда сам народ, после столетий старых споров между сектами, в конце концов столь же глубоко заблудился в ущельях философских мнений и учений, как некогда европейские народы – в тонкостях религиозной догмы. «Литература» и пресса всего менее могут соблазнить нас быть высокого мнения о «духе» нашего времени: миллионы спиритов и христианство с гимнастическими упражнениями, ужасающими по своему безобразию, характерному для всех английских изобретений, дают нам лучшее тому подтверждение.

Европейский пессимизм ещё только при своём начале – свидетельство против него самого – в нём ещё нет той необычайной, исполненной тоски и стремления неподвижности взора, отражающего Ничто, которые он имел когда-то в Индии, в нём ещё слишком много «деланного», а не «соделавшегося», слишком много

пессимизма учёных и поэтов; мне кажется, что добрая часть в нём придумана и присочинена, «создана», но не есть «первооснова».

32

Критика бывшего до сих пор пессимизма. Отклонение эвдемонологических точек зрения как окончательного сведения к вопросу: какой это имеет смысл? Редукция омрачения.

Наш пессимизм: мир не имеет всей той ценности, которую мы в нём полагали, – сама наша вера так повысила наши стремления к познанию, что мы не можем теперь не высказать этого. Прежде всего он является в связи с этим менее ценным, таким мы ощущаем его ближайшим образом, – только в том смысле мы пессимисты, в каком твёрдо решили без всяких изворотов признаться себе в этой переоценке и перестать на старый лад успокаивать себя разными песнями и улаживать всяческой ложью.

Именно этим путём мы и обретаем тот пафос, который влечёт нас на поиски новых ценностей. In summa: мир имеет, быть может, несравненно большую ценность, чем считалось, – мы должны убедиться в наивности наших идеалов и увидеть в сознании, что, давая миру наивысшее истолкование, не придали нашему человеческому существованию даже и умеренно соответствующей ему ценности.

Что было обожествлено? Инстинкты ценности, господствовавшие в общине (то, что делало возможным её дальнейшее существование).

Что было оклеветано? То, что обособляло высших людей от низших, стремления, разверзающие пропасти.

33

Причины появления пессимизма заключаются в том, что:

1) самые могущественные и чреватые будущим инстинкты жизни до сих пор были оклеветаны, вследствие чего над жизнью нависло проклятие;

2) возрастающая храбрость и всё более смелое недоверие человека к современному миру постигают неотделимость этих инстинктов от жизни и становятся лицом к лицу с жизнью;

3) процветают только посредственности, вовсе не сознающие этого конфликта, что более одарённые, напротив, вырождаются, и как продукт вырождения восстанавливают массы против себя, – что, с другой стороны, посредственность, выставляя себя как цель и смысл жизни, вызывает негодование (что никто не может больше ответить на вопрос – зачем?);

4) измельчание, чувствительность к страданию, беспокойство, торопливость, суэта постоянно возрастают, – что подверженность всей этой сутолоке, так называемой «цивилизации», становится всё легче, что единичные личности перед лицом этой ужасающей машины приходят в уныние и покоряются.

34

Современный пессимизм есть выражение бесполезности не мира и бытия вообще, но современного мира.

35

«Преобладание страдания над удовольствием» или обратное (гедонизм) – оба эти учения уже сами по себе указывают путь к нигилизму...

Ибо здесь в обоих случаях не предполагается какого-либо иного последнего смысла, кроме явлений удовольствия или неудовольствия.

Но так говорит порода людей, уже не решающаяся более утверждать некую волю, намерение или смысл – для всякого более здорового рода людей вся ценность жизни не определяется одною лишь мерою этих второстепенных явлений. Возможен был бы перевес страдания и, несмотря на это, явили бы себя могучая воля, утверждение жизни, потребность в этом перевесе.

«Не стоит жить»; «покорность»; «какую цель имеют эти слёзы?» – вот бессильный и сентиментальный образ мышления. «Un monstre gai vaut mieux

qu'un sentimental ennuyeux»[11 - «Весёлое чудовище стоит большего, чем sentimentalный зануда» (фр.).].

36

Нигилист-философ убеждён, что всё совершающееся – бессмысленно и напрасно; между тем не бессмысленному и напрасному бытию не должно быть. Но откуда это «не должно»? Откуда берётся этот «смысл», эта мера? В сущности нигилист полагает, что лицемерие такого бесполезного, бесплодного бытия приводит в состояние неудовлетворённости, вызывает чувство душевной пустоты и отчаяния. Такой вывод противоречит нашей утонченной чувствительности как философов. Это сводится в конце концов к следующей нелепой оценке: характер бытия должен доставлять удовольствие философу, раз это бытие желает быть таковым по праву...

Однако легко понять, что в пределах совершающегося бытия удовольствие и неудовольствие могут иметь лишь смысл средств – не говоря уже о том, что неизвестно ещё, можем ли мы вообще усматривать «смысл», «цель» и не остаётся ли для нас неразрешимым вопрос о «бессмыслии» – и о противоположности ему.

37

Развитие пессимизма в нигилизм. Извращение ценностей. Схоластика ценностей. Отрешённые, идеалистические ценности, вместо того, чтобы господствовать над действиями и руководить ими, обращаются с осуждением против действия.

Противопоставления, занявшие место естественных ступеней и рангов. Ненависть к иерархизму. Противопоставления соответствуют эпохе господства черни, ибо они общедоступней.

Отвергнутый мир противопоставляется искусственно воздвигнутому «истинному, ценному». Наконец, делается открытие насчёт того, из какого материала был построен «истинный мир», и нам остаётся один только «мир отвергнутый», и высшее разочарование в нём обосновывает его негодность.

Таким образом налицо нигилизм: остались одни осуждающие оценки – и ничего больше!

Из этого вытекает проблема силы и слабости:

- слабые гибнут от этого;
- более сильные уничтожают то, что ещё оставалось целым;
- сильнейшие преодолевают осуждающие оценки.

Всё это вместе взятое и составляет трагическую эпоху.

[3. Нигилистическое движение как выражение декаданса]

38

В последнее время много злоупотребляли случайным и во всех отношениях неподходящим словом: везде говорят о «пессимизме», идёт борьба вокруг вопроса, на который должны найтись ответы, кто прав – пессимизм или оптимизм.

Не было понято то, что, казалось, лежало как на ладони, а именно – что пессимизм не проблема, а симптом; что это название [следует] заменить «нигилизмом»; что вопрос о том, что лучше, – бытие или небытие, сам по себе уже болезнь, признак падения, идиосинкразия.

Нигилистическое движение есть лишь выражение физиологического декаданса.

39

Следует понять, что:

- всякого рода упадок и заболевание непрестанно принимали участие в работе создания общих оценок;

– в получивших господство оценках декаданс достиг даже некоторого перевеса;

– нам приходится бороться не только против реальных последствий всяческого современного ужаса вырождения, но что и весь дотоле проявившийся декаданс ещё не сыграл своей роли, т. е. продолжает жить.

Подобное общее отклонение человечества от своих коренных инстинктов, подобный общий декаданс в деле установления ценностей есть вопрос *par excellence*[12 - По преимуществу, по сути (фр.)], основная загадка, которую задаёт философу такое животное, как «человек».

40

Понятие «декаданса». Отпадение от целого отдельных его частей, упадок сами по себе ещё не заслуживают осуждения – это необходимое следствие жизни, жизненного роста. Появление декаданса так же необходимо, как любое восхождение и поступательное движение в жизни – не в нашей власти устранить его. Разум же хочет напротив, чтобы за ним было признано данное право.

Позор для всех социалистических систематиков, что они думают, будто возможны условия и общественные группировки, при которых не будут больше расти пороки, болезни, преступления, проституция, нужда... Но ведь это значит осудить жизнь...

Не в воле общества оставаться молодым. И даже в полном своём расцвете оно выделяет всякие нечистоты и отбросы.

Чем решительнее и отважнее действует общество, тем богаче оно неудачами и неудачниками, тем ближе оно к своему падению... От старости не спасёшься учреждениями. И от болезни так же. И от порока.

41

Основной взгляд на сущность декаданса состоит в следующем – то, в чём доньше видели его причины, есть его следствия.

Это изменяет всю перспективу моральной проблемы.

Вся этическая борьба против порока, роскоши, преступления, даже против болезни представляется наивностью, оказывается излишней – нет «исправления» (против раскаяния).

Сам декаданс не есть что-то, с чем нужно бороться, – он абсолютно необходим и присущ всякому народу и всякой эпохе. А вот с чем нужно всеми силами бороться, так это с занесением заразы в здоровые части организма.

Делается ли это? Делается как раз противоположное. Гуманность об этом только и заботится.

В каком отношении к этому основному биологическому вопросу стоят нынешние высшие ценности? Философия, религия, искусство и т. д.

(Средства лечения: например, милитаризм, начиная с Наполеона, который в цивилизации видел своего естественного врага.)

42

То, что доныне считалось причиной вырождения, есть следствие его. Но также и то, что почиталось лекарством против некоторых действий вырождения, т. е. излечившиеся от него суть только особый тип выродившихся.

Следствия декаданса: порок – порочность; болезнь – болезненность; преступление – преступность; целибат – бесплодие; истерия – ослабление воли; алкоголизм; пессимизм; анархизм; распутство (также и духовное); клеветничество, интриганство, несомнение, разрушительство.

43

К понятию «декаданса».

1. Скепсис есть одно из следствий декаданса; также и распутство мысли.

2. Порча нравов есть следствие декаданса (слабость воли, потребность сильных возбудительных средств...).

3. Методы лечения, психологические и моральные, не меняют хода декаданса, не задерживают его; действие их физиологически сводится к нулю. Не подлежит сомнению величайшая ничтожность этих мнимых «реактивов»; они суть формы наркоза против некоторых роковых явлений-следствий; они не изгоняют тлетворный элемент; часто являясь геройскими попытками нейтрализовать декадента, довести до *minimum*'а приносимый вред.

4. Нигилизм не есть причина, а лишь логика декаданса.

5. «Хороший» и «дурной» суть только два типа декаданса – они неразрывны во всех основных феноменах.

6. Социальный вопрос есть следствие декаданса.

7. Болезни, и прежде всего болезни нервов и головы, суть показатели того, что отсутствует сила самосохранения, свойственная сильной натуре, за это говорит и крайняя возбудимость, вследствие которой удовольствие и неудовольствие становятся первенствующей проблемой.

44

Наиболее распространённые типы декаданса выражаются в том, что:

1) веря во взятые лекарства, избирают то, что ускоряет процесс истощения – сюда относится христианство (чтобы назвать самый примечательный случай ошибки инстинкта), сюда же относится и «прогресс»;

2) утрачивается сила сопротивления раздражениям, случай определяет собою всё: переживания огрубляются, преувеличиваются до «чудовищных размеров» – «обезличивание», разложение воли, сюда относится альтруистическая мораль, та, которая толкует о сострадании; наиболее существенное в ней – слабость личности, вследствие чего эта личность созвучна всему и вся и подобно чрезмерно натянутой струне дрожит непрерывно... крайняя возбудимость...

3) смешиваются причина и следствие: в декадансе не видят физиологического феномена, и в его следствиях усматривают истинную причину плохого самочувствия, сюда относится вся религиозная мораль...

4) жаждут такого состояния, в котором нет больше страдания – жизнь фактически воспринимается как причина всякого зла; бессознательные состояния (сон, потеря сознания) оцениваются несравненно выше сознательных; отсюда и методика...

45

К гигиене «слабых». – Всё, что делается в состоянии слабости, терпит неудачу. Отсюда вывод – ничего не делать. Но в том-то и беда, что именно сила отложить делание, не реагировать, под влиянием слабости пришла в наиболее болезненное состояние; что мы всего скорее, всего слепее реагируем именно тогда, когда совсем не следовало бы реагировать...

Сила какой-либо природы сказывается в задерживании реакции, в некоторой отсрочке её: известного рода ?????????[13 - Нераздвоенность (греч.)] так же свойственна такой натуре, как слабости – связанность противодействия, внезапность, незадерживаемость «действия»... Воля слаба, и рецепт, как охранить себя от глупостей, был бы таков – иметь сильную волю и ничего не делать, но это суть *contradictio*[14 - Противоречивое суждение (лат.)]. Тут известное саморазрушение, инстинкт сохранения скомпрометирован... Слабый вредит сам себе... Это тип декаданса.

Действительно, имеет место огромное размышление над практическими приёмами усвоения бесстрастия. Инстинкт в данном случае на верном пути, поскольку ничего не делать полезнее, чем делать что попало...

Вся практика орденов, отшельников, философов, факиров внушена той правильной оценкой, что человек приносит себе, пожалуй, больше всего пользы в том случае, когда ставит перед собой значительные препятствия к действию.

Облегчающие меры: абсолютное послушание, машинальная деятельность, разобщение с людьми и вещами, требующими немедленной решимости и действий.

Слабость воли: тут сравнение, которое может ввести в заблуждение. Ибо нет никакой воли, и, следовательно, нет ни сильной, ни слабой воли.

Множественность и разорванность инстинктов, невнятность объединяющей их системы проявляется как «слабая воля»; координация же их под властью одного из них действует как «сильная воля»; в первом случае – колебание и недостаток устойчивости; во втором – ясность и определённость направления.

Наследственна не болезнь, а болезненность – бессилие в сопротивлении опасным и вредным нашествиям и т. д.; надломленная сила противодействия; выражаясь морально – покорность и смирение перед врагом.

Я спрашивал себя, нельзя ли сравнить все высшие ценности бывшей донине в ходу философии, морали и религии с ценностями ослабших, душевно больных и неврастеников, являющих собой, хотя и в более слабой степени, то же зло...

Ценность всех болезненных состояний заключается в том, что они показывают, как бы через увеличительное стекло, известные нормальные – но в нормальном виде плохо различимые – состояния.

Здоровье и болезнь не разнятся одно от другого по существу, как думают древние врачи и теперь ещё некоторые современные практиканты. Не следует делать из них различные принципы и сущности, которые ссорились бы из-за живого организма и делали бы его местом своей борьбы. Это – глупость и пустая болтовня, ни к чему не пригодные. Фактически между этими двумя родами существования есть только различие в степени: преувеличение, диспропорция, дисгармония в соотношениях нормальных феноменов суть болезненное состояние (Клод Бернар).

Поскольку «зло» может быть рассматриваемо как преувеличение, дисгармония, диспропорция, постольку «добро» может быть, так сказать, предохраняющей диетой против опасности впасть в преувеличение, дисгармонию и нарушение пропорций.

Наследственная слабость как господствующее чувство – причина высших ценностей.

NB. Слабости желают – почему? В большинстве случаев потому, что слабость по необходимости приемлема.

Ослабление как задача: ослабление желаний, ощущений радости и неудовольствия, воли к власти, к чувству гордости, к желанию иметь и иметь как можно больше; ослабление как смирение; ослабление как вера; ослабление как отвращение и стыд перед всем естественным; как отрицание жизни, как болезнь и обычная слабость... ослабление как отказ от мести, от сопротивления, от вражды и гнева.

Неверный приём в преодолении слабости – стремиться победить её не посредством *systeme fortifiant*[15 - Укрепляющая система (фр.)], но посредством какого-то оправдывания и морализирования, т. е. какой-то интерпретации.

Смещение двух совершенно разных состояний, например: спокойствия силы, которое в сущности есть воздержание от реакций (тип богов, которых ничто не трогает), – и спокойствие истощения, – тупость, доходящая до анестезии. Все философски-аскетические приёмы стремятся ко второму, но подразумевают в сущности первое, ибо они приписывают достигнутому состоянию такие свойства, как если б было достигнуто божественное состояние.

48

Опаснейшее недоразумение. Существует понятие, которое, по-видимому, не допускает смешения, двоякого толкования, – это «истощение». Истощение может быть благоприобретёно, а может быть наследственно, – и в том, и в другом случае оно меняет аспект вещей, ценность вещей...

В противоположность тому, кто из обилия, которое он являет собою и сам, ощущая его, помимо воли своей отдаёт вещам, и видя их полнее, могущественнее, чреватее будущим, так вот в противоположность тому, кто во всяком случае может дарить, – истощённый умаляет, загрязняет всё, что он видит, – он роняет ценность, он вреден...

Относительно этого, кажется, не может быть ошибки, между тем в истории мы видим тот ужасающий факт, что истощённых всегда смешивали с преисполненными жизнью, а преисполненных жизнью – с вреднейшими.

Оскудевший жизнью, слабый, ещё более обедняет жизнь; богатый жизнью, сильный, обогащает её. Первый паразитирует, второй – одаряет её... Как же тут возможно смешение?..

Когда истощённый выступал с видом высшей активности и энергии (в моменты, когда вырождение вызывало эксцесс духовного или нервного разряжения), тогда его смешивали с богатым... Он возбуждал страх... Характерно, что и культ слабоумного всегда совпадает с культом богатого жизнью, могучего. Фанатик, одержимый, религиозный эпилептик, все эксцентричные люди воспринимались как высшие типы могущества, как боговдохновенные.

Такого рода сила, которая возбуждает страх, почиталась по преимуществу именно божественной – здесь был источник авторитета, её истолковывали как мудрость, в ней видели, искали мудрость... Из этого развилась, почти везде, воля к «обожествлению», т. е. к типичному вырождению духа, тела и нервов: попытка найти путь к высшему виду бытия. Довести себя до болезни, до безумия, вызвать симптомы расстройства – это значило стать сильнее, сверхчеловечнее, ужаснее, мудрее. Воображали себя, благодаря этому, настолько богатыми мощью, чтобы иметь возможность отдавать часть её. Повсюду, где люди были готовы к боготворению, они искали кого-нибудь, кто мог бы отдавать.

В этом случае источником заблуждения является хорошо известное состояние опьянения. Это последнее в высшей степени увеличивает чувство мощи, а следовательно, рассуждая наивно, и самую мощь. На высшей ступени власти должен был стоять самый опьянённый, экстатик (есть две исходные точки опьянения – необычайная полнота жизни и состояние болезненного питания мозга).

а) недостаточность питания, часто от неведения в этом вопросе, например, у учёных;

б) преждевременное эротическое развитие – по преимуществу бич французской молодёжи, особенно парижан, вступающих из лицеев в жизнь уже развращёнными и загрязнёнными и уже не могущими вырваться из цепи позорных склонностей, жалких и презренных в собственных глазах – галерников при всей их утончённости (впрочем, в большинстве случаев это уже симптом расового и фамильного декаданса, как всякая гипертрофированная чувствительность; сюда же следует отнести заразу, исходящую от среды – слепое подчинение влиянию среды также относится к декадансу);

в) алкоголизм, не как инстинкт, а как привычка, тупое подражание, трусливое или тщеславное приспособление к царящему режиму. Так, подумать только: какое благодаяние – еврей среди немцев! Немцы... О сколько тупости, о эти льняные головы, эти голубые глаза, отсутствие esprit в лице, словах, манерах – это ленивое потягивание, эта немецкая потребность в отдыхе, происходящая не от переутомления в работе, а от отвратительной возбуждённости и перевозбуждённости алкоголем...

50

Теория истощения. Порок, душевные больные (среди, например, артистов...), преступники, анархисты, – всё это не угнетённые классы, но отбросы всех классов бывшего до сих пор общества...

Усмотрев, что все наши сословия и состояния проникнуты этими элементами, мы поняли, что современное общество не – «общество», не – «тело», но больной конгломерат чандалы, – общество, утратившее силу извергать из себя вредные ему элементы.

Насколько от совместной жизни в течение долгих столетий болезненность проникает всё глубже:

– современная добродетель;

– современная духовность;

– наша наука... как формы болезни.

51

[Состояние испорченности.] Понять взаимную связь всех форм испорченности, и при этом не забыть христианской испорченности (Паскаль как тип); равным образом социалистически-коммунистической испорченности (она как следствие христианской) – с естественнонаучной точки зрения высшая концепция общества представляется низшей в общественной иерархии; испорченность «потусторонности», как будто кроме действительного мира, мира становления, есть ещё мир сущего.

Здесь не должно быть никакого соглашения: здесь надо вычищать, уничтожать, вести войну, – нужно ещё извлечь отовсюду христиански-нигилистический масштаб оценки и бороться с ним под какой бы маской она не находилась: так, например, – из теперешней социологии, из теперешней музыки, из теперешнего пессимизма (все формы христианского идеала ценности).

Либо то, либо другое истинно: быть истинным значит в данном случае способствовать повышению типа «человек».

Священники, пастыри душ, как негодные, недостойные формы существования. Всё воспитание до сих пор беспомощно, неустойчиво, лишено надлежащей опоры и веса, носит на себе следы противоречия ценностей.

52

Не природа безнравственна, когда она без сострадания относится к дегенератам – наоборот, рост физиологического и морального зла в человеческом роде есть следствие болезненной и противоестественной морали. Чувствительность большинства людей болезненна и неестественна.

От чего зависит, что человечество испорчено в моральном и физиологическом отношении? Тело гибнет, когда поражён какой-либо орган. Право альтруизма нельзя сводить на физиологию; столь же мало можно это делать и по отношению к праву на помощь, на одинаковую участь – это всё премии для

дегенератов и убогих.

Нет солидарности в обществе, где имеются неплодотворные, непродуктивные и разрушительные элементы, которые к тому же дадут ещё более выродившееся, чем они сами, потомство.

53

Существует глубокое и совершенно неосознанное влияние декаданса даже на идеалы науки – вся наша социология служит доказательством этого положения. Ей можно поставить в упрёк, что она знакома по опыту только с формой упадочного общества и неизбежно осуждена принимать свои собственные упадочные инстинкты за норму социологического суждения.

Клонящаяся к упадку жизнь современной Европы формулирует через эти суждения свои общественные идеалы, которые разительны похожи на идеалы старых, отживших рас.

Поэтому стадный инстинкт, завоевавший теперь верховенство, представляет нечто в корне отличное от инстинкта аристократического общества – ведь от ценности единиц зависит то или другое значение суммы... Вся наша социология не знает другого инстинкта, кроме инстинкта стада, т. е. суммированных нулей, где каждый ноль имеет «одинаковые права», где считается добродетелью быть нулём...

Оценка, с которой в настоящее время подходят к различным формам общества, во всех отношениях сходна с той, по которой миру придаётся большая ценность, чем войне, но это суждение антибиологично, оно само порождение декаданса жизни... Жизнь есть результат войны, само общество средство для войны... Господин Герберт Спенсер как биолог – декадент, таковым же является и как моралист (видя в победе альтруизма нечто желательное!!!).

54

Мне посчастливилось, после целых тысячелетий заблуждений и путаницы, снова найти дорогу, ведущую к некоторому да и некоторому нет.

Я учу говорить «нет» всему, что ослабляет, что истощает...

Я учу говорить «да» всему, что усиливает, что накапливает силы, что оправдывает чувство силы.

До сих пор никто не учил ни тому ни другому – учили добродетели, самоотречению, состраданию, учили даже отрицанию жизни. Всё это суть ценности истощённых.

Долгое размышление над физиологией истощения обратило меня к вопросу о том, насколько суждения истощённых проникли в мир общих ценностей.

Достигнутый мною результат был до невероятности неожиданным, даже для меня, успевшего освоиться уже не с одним чуждым миром. Я открыл, что все высшие ценности, все, господствующие над человечеством, – по крайней мере над укрощённым человечеством – могут быть сведены к оценкам истощённых.

Из-под священных имён извлёк я разрушительные тенденции – Богом назвали то, что ослабляет, учит слабости, заражает слабостью... я открыл, что «добрый человек» есть форма самоутверждения декаданса.

Добродетель сострадания, о которой ещё Шопенгауэр говорил как о высшей, единственной и основной добродетели, – именно это сострадание признал я более опасным феноменом, нежели любой порок. Решительно идти наперекор родовому подбору и очищению вида от элементов упадка – вот что доньше считалось добродетелью *par excellence*...

Следует чтить рок, рок, говорящий слабому – «погибни!..»

Богом назвали противление року, порчу и разложение человечества... Не должно произносить всуе имя Божие...

Раса испорчена – не пороками своими, а неведением – она испорчена потому, что она истощение восприняла не как истощение, – ошибки в физиологии суть причины всех зол.

Добродетель есть наше великое недоразумение.

Проблема – как истощённые достигли того, чтоб стать законодателями ценностей? Или иначе – как достигли власти те, которые – последние?.. Как инстинкт зверя-человека стал вверх ногами?..

[4. Кризис: нигилизм и идея «возвращения»]

55

Крайние позиции сменяются не более умеренными, а опять же крайними, но обратными. Поэтому вера в абсолютную имморальность природы, в бесцельность и бессмысленность – психологически необходимый аффект, наступающий, когда утрачивается вера в Бога и нравственные основы миропорядка. Нигилизм возникает не потому, что отвращение к жизни теперь сильнее, чем раньше, но потому, что вообще является сомнение в том, могут ли иметь зло или даже жизнь какой-либо «смысл». Одна интерпретация погибла: но так как она считалась единственной интерпретацией, то нам и кажется ныне, будто нет никакого смысла в жизни вообще, будто всё напрасно.

Однако остаётся ещё доказать, что это «напрасно» определяет характер нынешнего нигилизма. Недоверие к нашей прежней оценке ценностей вырастает до вопроса: «Не служат ли все “ценности” приманкой, затягивающей комедию, но не приводящей её к какому-либо разрешению?» Длительность существования, при наличии этого «напрасно», без цели и без смысла, – вот наиболее парализующая мысль, особенно если человек, понимая, что над ним издеваются, всё же не имеет силы оградить себя от этого.

Продумаем эту мысль в самой страшной её форме – жизнь, как она есть, без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного «ничто» – «вечный возврат». Это самая крайняя форма нигилизма: «ничто» («бессмысленное») – вечно!

Европейская форма буддизма – энергия знания и силы принуждает к такой вере. Это самая научная из всех возможных гипотез. Мы отрицаем конечные цели; если бы существование имело такую цель, – она должна была бы быть уже достигнута.

Становится понятным, что здесь налицо стремление создать противоположение пантеизму, ибо утверждение «всё совершенно, божественно, вечно» также навязывает веру в «вечное возвращение». Вопрос в том, стало ли невозможным вместе с моралью и это пантеистическое да, обращённое ко всем вещам? В сущности, преодолён ведь только моральный Бог. Есть ли смысл представлять себе бога «по ту сторону добра и зла?» Возможен ли пантеизм в таком смысле? Можно ли, изгнав из процесса представление цели, и несмотря на это, всё же говорить «да» процессу? Это было бы так только в том случае, если бы в пределах самого процесса, в каждое мгновение его, что-нибудь достигалось – и всякий раз одно и то же. Спиноза достиг такой утверждающей точки зрения, поскольку каждое мгновение имеет свою логическую необходимость, и философ, с заложенным в основе его существа логическим инстинктом, торжественно приветствовал подобный миропорядок.

Но его случай – только частный случай. Всякая коренная особенность, лежащая в основе всего совершающегося и проявляющаяся во всём совершающемся, должна была бы побудить человека, осознавшего её как свою собственную особенность, торжественно благословить каждый миг мирового существования. Тогда всё дело заключалось бы в том, чтобы радостно признать в себе самом благой и ценной эту свою особенность.

Мораль предохраняла от отчаяния и прыжка в «ничто» жизнь людей и сословий, притесняемых и угнетаемых именно людьми, ибо бессилие перед людьми, а не природой, вызывает наиболее отчаянное озлобление к жизни. Мораль относилась к властителям, насильникам, вообще к «господам», как к врагам, от которых необходимо защитить обыкновенного человека, т. е. прежде всего поднять в нём мужество и силу. Мораль, следовательно, учила глубже всего ненавидеть и презирать то, что составляет характернейшую особенность властителей: их волю к власти. Эту мораль отменить, отвергнуть, разложить – значило бы в обратном смысле ценить и воспринимать этот столь ненавидимый инстинкт. Если бы страдающий, угнетённый человек потерял веру в своё право презирать волю к власти – он вступил бы в полосу самого безнадежного отчаяния. Но это было бы только в том случае, если бы эта черта лежала в самом существе жизни, если бы выяснилось, что даже под личиной воли к морали скрывается «воля к власти», что сама его ненависть и презрение тоже особая «мощь-воля». Угнетённый понял бы, что стоит на одной почве со своим угнетателем и что перед ним у него нет ни преимущества, ни прав на высшее положение.

Скорее наоборот! Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти – если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти. Мораль ограждала неудачников, обездоленных от нигилизма, приписывая каждому бесконечную ценность, метафизическую ценность, и указуя им место в порядке, не совпадающем ни с мирской властью, ни с иерархией рангов – она учила подчинению, смирению и т. д. Если предположить, что вера в эту мораль погибнет, то неудачники утратят своё утешение – и погибнут тоже.

Гибель принимает здесь форму самообречения на гибель, в виде инстинктивного подбора всего того, что должно губить. Вот симптомы этого саморазрушения неудачников: самовивисекция, отравление, опьянение, романтика, – и прежде всего – инстинктивное побуждение к поступкам, вызывающим смертельную вражду со стороны имеющих власть (как бы воспитание себе самому палачей), воля к разрушению как воля ещё более глубоко заложенного инстинкта, инстинкта саморазрушения, устремления в «ничто».

Нигилизм – как симптом того, что неудачникам нет больше утешения, что они уничтожают, чтобы быть уничтоженными, что они, оторвавшись от морали, не имеют больше основания «покоряться своей судьбе», – что они становятся на почву противоположного принципа и со своей стороны также хотят власти, принуждая властвующих быть их палачами. Это и есть европейская форма буддизма, осуществление «нет» после того, как всякое существование потеряло свой «смысл».

«Нужда» между тем не возросла: наоборот! «Бог, мораль, смирение» – служили средствами исцеления в самые страшные и бедственные времена – активный нигилизм выступает при сравнительно более благоприятно сложившихся условиях. Уже самое преодоление морали предполагает довольно высокий уровень духовной культуры, а она в свою очередь предполагает относительное благополучие. Известная духовная усталость от продолжительной борьбы философских мнений, доведённая до безнадёжнейшего скептицизма по отношению к философии, указывает также отнюдь не на низкий уровень этих нигилистов. Стоит только вспомнить о той обстановке, в которой выступил Будда. Учение о вечном возвращении должно было бы иметь некоторые научные предпосылки (подобно тем, какие имело учение Будды, – напр., понятие о причинности и т. д.).

Что же означает теперь – «неудачник»? Прежде всего физиологическую неудачу, – а уже не политическую. Самый нездоровый род людей в Европе (во

всех сословиях) – почва для этого нигилизма: они воспримут веру в вечное возвращение как проклятие, и поражённый этим проклятием человек не остановится ни перед какими действиями – полагая не пассивно сгнуться, но довести до гибели всё, что в такой степени бессмысленно и бесцельно – хотя в сущности это только род судороги, слепого бешенства при сознании, что всё уже было от вечности, всё – вплоть до этой самой минуты нигилизма и страсти разрушения. Ценность такого кризиса в том, что он очищает, что он сводит вместе родственные элементы, которые взаимно губят друг друга, в том, что он людям противоположного образа мыслей указывает на общие задачи; обнаруживая и среди них более слабых и менее уверенных, он этим создаёт особую иерархию сил с точки зрения здоровья: признавая повелевающих – повелевающими, подчиняющихся – подчиняющимися. Конечно, оставляя в стороне все существующие общественные группировки.

Кто же окажется при этом самыми сильными? Самые умеренные, те, кто не нуждаются в крайних догмах веры, те, которые не только допускают добрую долю случайности, бессмысленности, но и любят её, те, кто умеют размышлять о человеке, значительно ограничивая его ценность, но не становясь однако от этого ни принижёнными, ни слабыми; наиболее богатые здоровьем, те, которые легче переносят всякие невзгоды, и поэтому не слишком боятся невзгод – люди, уверенные в своей силе и с сознательной гордостью олицетворяющие достигнутое человеком мощь.

Каковы были бы мысли такого человека о вечном возвращении?

56

[Периоды европейского нигилизма]

Период неясности – всевозможные попытки сохранить старое, не упуская вместе с тем нового.

Период ясности – окончательное уразумение, что старое и новое в основе противоположны друг другу, ибо старые ценности порождены нисходящей жизнью, а новые – восходящей, что все старые идеалы суть идеалы враждебные жизни (т. е. вызванные декадансом и сами обуславливающие его, хотя и разряженные в пышный праздничный убор морали). Мы понимаем старое и далеко не достаточно сильны для нового.

Период трёх великих аффектов – презрения, сострадания и разрушения.

Период катастрофы – распространение учения, которое просеивает людей... побуждающего слабых, а также и сильных к решимости.

II. К истории европейского нигилизма

[а) Современное омрачение]

57

Друзья мои, нам туго приходилось, когда мы были молоды, мы страдали от самой молодости, как от тяжёлой болезни. В этом виновато время, в которое мы заброшены, время большого внутреннего упадка и распада, которое всеми своими слабостями и даже лучшей своей силой противоборствует духу молодости. Распадение, следовательно, неопределённость свойственны этому времени – нет ничего, что бы стояло на ногах крепко, с суровой верой в себя – живут для завтрашнего дня, ибо послезавтра сомнительно. Всё на нашем пути скользко и опасно, и при этом лёд, который нас ещё держит, стал таким тонким; мы все чувствуем грозящее нам дыхание оттепели – там, где мы ещё ступаем, скоро нельзя будет проходить никому!

58

Если это не столетие упадка и постепенно убывающей жизненной силы, то, по меньшей мере, столетие необдуманных и произвольных попыток управления жизнью; и весьма вероятно, что от чрезмерного числа неудачных опытов получится некоторое общее впечатление как бы упадка, а, быть может, и на самом деле – упадок.

59

К истории современного омрачения

Государственные кочевники (чиновники и т. д.): нет «родины».

Падение семьи.

«Добрый человек» как симптом изнеможения.

Справедливость как воля к власти (воспитание).

Половая похотливость и невроз.

Чёрная музыка – куда девалась настоящая музыка?

Анархист.

Презрение к людям, отвращение.

Глубочайшее различие: происходит ли творческий характер от голода или переизбытка? Первый создаёт идеалы романтики. Северная неестественность. Потребность в Alcoholica – «нужда» рабочего сословия.

Философский нигилизм.

60

Медленное выступление вперёд и подъём средних и низших состояний и сословий (в том числе низших форм духа и тела), которое уже в значительной мере было подготовлено Французской революцией, хотя и без революции не замедлило бы проложить себе дорогу, – в целом приводит к перевесу стада над всеми пастухами и вожатыми.

1. Омрачение духа (совместное существование стоической и фривольной видимости счастья, свойственное благородным культурам, встречается всё реже, многие страдания становятся заметными и заявляют о себе там, где прежде их переносили и скрывали).

2. Моральное лицемерие (способ выдвинуться своей моралью, но путём проявления стадных добродетелей: сострадания, заботливости о других, умеренности, а не тех, которые признаются и ценятся вне стадности).

3. Действительное сострадание и сорадование в больших размерах (радость близкого общения с большим числом себе подобных, свойственное всем стадным животным – «чувство общности», «отечество», – словом всё; и это при том, что не принимается в соображение индивид).

61

Наше время, с его стремлением как-нибудь помочь нуждам, предупредить их и вообще своевременно устранить могущие быть от них неприятные последствия, есть время бедных. Наши «богатые» – вот самые бедные! Коренная цель всякого богатства забыта!

62

Критика современного человека: «человек добр», но только испорчен и соблазнён дурными установлениями (тиранами и попами); разум как авторитет; история как преодоление ошибок; будущее как прогресс; христианское государство («Господь сил»); христианское отношение полов (или брак); царство «справедливости» (культы «человечества»): «свобода».

Романтическая поза современного человека: благородный человек (Байрон, Виктор Гюго, Жорж Санд); благородное негодование; освящение страстью (как подлинную «природою»); защита угнетённых и обездоленных как девиз историков и романистов; стоики долга; «самоотречение» как искусство и познание; альтруизм как наиболее изолгавшаяся форма эгоизма (утилитаризм), sentimentalный эгоизм.

Это всё проистекает от восемнадцатого века. А вот что мы от него не унаследовали, так это – l'insouciance[16 - Беспечность (фр.)], весёлость, изящество, ясность ума; темп духа менялся; наслаждение духовною ясностью и тонкостью уступило место наслаждению красками, гармонией, массой, реальностью и т. д. Сенсуализм в духовном. Словом – это восемнадцатый век

Руссо.

63

В общем счёте в нашем современном человечестве гуманность достигла огромных размеров. То, что это обычно не ощущается, может само по себе служить доказательством справедливости сказанного: мы стали столь чувствительны к мелким невзгодам, что проявляем несправедливость в оценке достигнутого нами.

При этом не следует упускать из виду значительное влияние декаданса, как и то, что наш мир, если смотреть на него декадентскими глазами, должен казаться плохим и жалким. Но эти глаза во все времена видели одно и то же:

- 1) некоторую перевозбуждённость даже морального чувства;
- 2) ту долю озлобления и омрачения, которую пессимизм привносит в суждения.

И то, и другое вместе дало перевес противоположному представлению, а именно, что в нашей морали не всё обстоит благополучно.

Однако факт существования кредита, всей мировой торговли, установления постоянных сношений, – во всём этом выражается необычайно благосклонное доверие к человеку... Этому же способствует:

- 3) освобождение науки от моральных и религиозных целей – весьма хороший признак, но в большинстве случаев ложно понимаемый.

Я пытаюсь на свой лад оправдать историю.

64

Второй буддизм. Нигилистическая катастрофа, которая кладёт конец индийской культуре. Предвестья её: распространение сострадания. Духовное переутомление. Сведение проблем к вопросам удовольствия и неудовольствия. Военное величие и слава, возбуждающие соответствующую реакцию. Равным

образом – национальные отграничения, вызывающие некоторое обратное движение к сердечному «братству». Невозможность для религии работать далее при посредстве догматов и басен.

Этой буддийской культуре положит конец нигилистическая катастрофа.

65

Всего глубже подорваны в наше время инстинкт и воля традиции. Все установления, обязанные своим происхождением этому инстинкту, противоречат вкусу современного человека... Что бы ни делали и ни думали ныне, во всём преследуется в сущности только одна цель – с корнем вырвать эту склонность к преданию, к преемственности. В традиции видят тяжкую неизбежность: её изучают, признают (как «наследственность»), но не хотят её. Напряжение воли, направленное на далёкое грядущее, подбор условий и оценок, дающих власть наперёд над сотнями лет – всё это в высшей степени несовременно. Отсюда следует, что характер нашей эпохи определяется дезорганизующими принципами.

66

«Будьте просты» – вот требование, которое, будучи обращённым к нам, сложным и непостижимым испытателям утроб, является просто глупостью... Будьте естественны! Хорошо, ну а если мы по существу «неестественны»?

67

В былое время средствами, имевшими свою целью создание, через длинный ряд поколений, однородных, устойчивых существ, являлись: не подлежавшее отчуждению земельное владение, уважение к старейшим (источник веры в богов и героев как предков).

Теперь раздробление земельной собственности объясняется противоположной тенденцией. Газета заменила ежедневные молитвы. Железная дорога, телеграф. Централизация огромной массы разнообразных интересов в одной душе, которая при этих условиях должна отличаться большой силой и

способностью к превращениям.

68

Почему всё становится комедианством. Современному человеку недостаёт верного инстинкта (результат долгой однообразной формы деятельности для каждого рода людей); неспособность создать что-либо совершенное есть прямое следствие того – отдельный человек не в силах наверстать не данное ему школой.

Чем вызывается к жизни мораль, законодательство? Глубоким инстинктивным чувством того, что лишь благодаря автоматизму их действия возможно совершенство в жизни и творчестве...

Но ныне мы достигли противоположной точки, хотели и достигли её, а именно – крайней сознательности, самопостижения человека и истории. Благодаря этому на практике мы всего дальше от совершенства в своём бытии, делании, воле – самая наша жажда, наша воля к познанию есть симптом безмерного декаданса. Мы стремимся к противоположности того, чего хотят сильные расы, сильные природы – постижение есть конец...

Что наука возможна в том смысле, как она процветает ныне, это – доказательство того, что все элементарные инстинкты – инстинкты самозащиты и самоограждения – более не действуют в жизни. Мы больше не собираем, мы расточаем то, что накоплено нашими предками, – и это верно даже в отношении того способа, каким мы познаём действительность.

69

Нигилистическая черта:

а) в естественных науках («отсутствие смысла») – каузализм, механизм.
«Закономерность» – переходная ступень, остаток старины;

б) равным образом – в политике: человек утратил веру в своё право, невинность; царит лганьё, служение минуте;

с) то же – и в народном хозяйстве: уничтожение рабства, отсутствие искупающего сословия, оправдателя, – появление и рост анархизма. «Воспитание»?

d) точно так же – в истории: фатализм, дарвинизм; последние попытки истолковать её с помощью понятий разума и божественности потерпели неудачу. Сентиментальность по отношению к прошлому – биография представляется чем-то нестерпимым! (Феноменализм и здесь: характер как маска; события нет);

e) схожесть и в искусстве: романтика и реакция против неё (отвращение к романтическим идеалам и лжи). Последняя – моральна, как чувство большей правды, но пессимистична. Чистые «артисты» (равнодушны к содержанию). (Психология исповедален и пуританская психология, две формы психологической романтики; и её противоположное предложение – отнестись к «человеку» чисто артистически, но и тут ещё нет решимости на установление обратной оценки!)

70

Против учения о влиянии среды и внешних причин – внутренняя сила бесконечно важнее; многое, что представляется влиянием извне, в сущности есть только приспособление этой внутренней силы к окружающему. Совершенно тождественные среды могут получить прямо противоположное толкование и быть использованы в противоположном смысле, фактов не существует. Гений не может быть объяснён из подобных условий его появления.

71

«Современность», изображённая в образе питания и усвоения пищи.

Чувствительность несказанно обострена (под моралистическими прикрасами: увеличение сострадания); количество разрозненных впечатлений больше чем когда-либо: космополитизм языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа. Темп этого потока – prestissimo[17 - Самый быстрый (итал.)]; впечатления смыкают одно другое; инстинктивно остерегаешься воспринимать что-либо, воспринимать глубоко, «переваривать» – отсюда как результат

ослабление пищеварительной силы. Происходит известного рода приспособление к этому перегружению впечатлениями – человек отучается от активности, – всё сводится к реагированию на внешние раздражения. Он расходует свою силу частью на усвоение, частью на самооборону, частью на борьбу. Глубокое ослабление самопроизвольности: историк, критик, аналитик, толкователь, наблюдатель, коллекционер, читатель – все «реактивные» таланты; всё – наука!

Искусственное уподобление своей природы «зеркалу»: есть интересы, но только не проникающие далее эпидермы; принципиальная холодность, уравновешенность, строго поддерживаемая низкая температура непосредственно под тонким верхним слоем, на котором есть тепло, движение, «буря», игра волн.

Противоположность между внешней подвижностью и некоторым отяжелением и утомлением в глубине.

Куда можно отнести наш современный мир: к эпохам истощения или эпохам восхождения?

72

Его многообразие и беспокойность обусловлены высшей формой сознательности.

73

Переутомление, любопытство и сочувствие – наши современные пороки.

74

К характеристике «современности». Пышный расцвет промежуточных форм; убыль типов; разрыв с традицией, с школами; господство инстинктов (подготовленное высокой философской оценкой бессознательного), следовавшее за ослаблением силы воли, – воления целей и средств...

Дельному ремесленнику и учёному приличествует гордиться своим искусством и со скромным довольством взирать на жизнь. С другой стороны, нет зрелища печальнее, чем то, когда какой-нибудь сапожник или школьный учитель со страдальческим видом даёт понять, что он собственно рождён для чего-то высшего. Нет вообще чего-либо лучшего, чем хорошее! А это последнее в том и заключается, чтобы быть в чём-нибудь дельным и соответственно тому творить, – *virtu*[18 - Добродетель (итал.)] в смысле итальянского Ренессанса.

В настоящее время, когда государство отрастило себе бессмысленно «толстый живот», появились во всех полях деятельности и во всех специальностях, кроме деятелей, ещё и «представители», как то: помимо учёных ещё литераторы, помимо страждущих слоёв народа ещё и болтающие и хвастливые бездельники, считающие себя «представителями» этого страдания, – не говоря уже о профессиональных политиках, которые благодушествуют и при помощи крепких лёгких «представляют» общественные нужды перед каким-либо парламентом. Наша современная жизнь стала страшно дорога ввиду массы посредников: между тем в античном городе, а как отголосок древности – и во многих городах Испании и Италии, каждый выступал за себя и не дал бы даже ломаного гроша за такого современного представителя и посредника.

Преобладание мелочного торговца и посредника – даже в сфере наиболее духовного: литератор, историк (спаивающий прошлое с настоящим), экзотик и космополит; посредники между естественными науками и философией, полутеологи.

Наибольшее отвращение возбуждали во мне до сих пор лизоблюды духа – их можно уже теперь найти в нашей нездоровой Европе повсюду, и, что их особенно отличает – это полнейшая чистота совести. Они, пожалуй, немного мрачны, немного *air pessimiste*[19 - С пессимистическим видом (фр.)], но главным образом прожорливы, грязны, марки, вкрадчивы, пролазы, вороваты, паршивы – и невинны, как все маленькие грешники и микробы. Они живут за

счёт умных и остроумных людей, полной пригоршню бросающих людям свой ум и своё остроумие; они знают, что богатым духом свойственно беззаботно и даже расточительно, пренебрегая мелочной осторожностью, день за днём раздавать себя и своё. Ибо дух плохой домохозяин, и сам не замечает, как всё живёт и питается за его счёт.

78

Комедиантство

Пестрота красок в современном человечестве и её привлекательность. По существу игра в прятки и пресыщение.

Литератор.

Политик (в «национальном шарлатанстве»).

Комедиантство в искусствах:

- недостаток основательной научной подготовки и дисциплины (Фромантен);
- романтики (недостаток философии и науки и избыток литературы);
- романисты (Вальтер Скотт, но также и чудовища – Нибелунги с наинервнейшей музыкой);
- лирики.

«Научность».

Виртуозы (евреи).

Народные идеалы, как превзойдённые и заменённые, но ещё не в глазах народа:

- святой, мудрец, пророк.

Недисциплинированность современного духа под всевозможными моральными уборами. Пышные наименования: терпимость (а в сущности неспособность сказать «да» или «нет»): *la largeur de sympathie*[20 - Широта симпатии (фр.).] (на треть - равнодушие, на треть - любопытство, на треть - болезненная возбудимость): «объективность» (недостаток личности, недостаток воли, неспособность к любви); «свобода» по отношению к правилам (романтика); «истина» в противовес лжи и подделке (натурализм); «научность» («*Le document humain*»[21 - Человеческий документ (фр.).]: в переводе - лубочный роман и суммирование, сводка вместо компоновки); «страсть», где в действительности беспорядочность и безмерность: «глубина», где в действительности путаница и сумятица символов.

К критике великих слов. Я исполнен подозрения и злобы к тому, что называют «идеалом»; здесь заключён мой пессимизм, поскольку я постиг, насколько «высшие чувства» суть источники бедствия, т. е. умаления и обесценения человека.

Ожидая от идеала какого-нибудь «прогресса», неизменно впадают в заблуждение - до сих пор победа идеала всякий раз была движением вспять.

Христианство, революция, отмена рабства, равенство прав, филантропия, миролюбие, справедливость, истина - все эти великие слова имеют цену лишь в борьбе как знамёна, - не как реальности, а как пышные наименования для чего-то совсем иного (даже противоположного!).

Известен тот сорт людей, который влюблён в изречение *tout comprendre c'est tout pardonner*[22 - Всё понимать, значит всё прощать (фр.).]. Это - слабые, это прежде всего - разочарованные: если во всём можно найти что-либо подлежащее прощению, то, следовательно, и во всём есть нечто, достойное презрения! Здесь философия разочарования кутается столь гуманно в

сострадание и так умильно взирает на нас.

Это – романтики, вера которых улетучилась, и вот им хочется теперь по крайней мере полюбоваться со стороны на то, как всё бежит и исчезает. Они называют это *l'art pour l'art*[23 - Искусство ради искусства (фр.)], «объективностью» и т. д.

82

Главные симптомы пессимизма: *les dîners chez Magny*[24 - Обеды у вельмож (фр.)]; русский пессимизм (Толстой, Достоевский); эстетический пессимизм, *l'art pour l'art*, «description»[25 - Описание (фр.)] (романтический и антиромантический пессимизм); гносеологический пессимизм (Шопенгауэр, феноменализм); анархический пессимизм; «религия сострадания», предварение буддизма; культурный пессимизм (экзотизм, космополитизм); этический пессимизм: я сам.

83

«Без христианской веры, – думал Паскаль, – вы сами в своих глазах, так же как и природа и история, будете – *un monstre et un chaos*[26 - Чудовище и хаос (фр.)]». Это пророчество претворилось применительно к нам после того, как малодушно-оптимистическое восемнадцатое столетие прикрасило и рационализировало человека.

Шопенгауэр и Паскаль. В одном важном смысле Шопенгауэр первый продолжил дело Паскаля: *un monstre et un chaos*, следовательно нечто подлежащее отрицанию... История, природа и сам человек!

«Наша неспособность познать истину есть следствие нашей испорченности, нашего нравственного падения», – так говорит Паскаль. И то же, в сущности, говорил Шопенгауэр. «Чем глубже извращение разума, тем необходимее учение об искуплении» – или, выражаясь по-шопенгауэровски, – отрицание бытия.

84

Шопенгауэр как подделка (дореволюционное состояние): католицизм, сострадание, чувственность, искусство, слабость воли, даже наиболее духовных порывов – это au fond[27 - В сущности (фр.).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Г. Рачинского.

2

Римская Кампанья (лат.).

3

Протяжно (итал., муз. термин).

4

Перевод Е. Герцык.

5

Права на свободу (лат.).

6

Всё понять, всепонимание (фр.).

7

Образ, вид, преходящее свойство (лат.).

8

Независимо от опыта, до опыта (лат.).

9

Существующего совершенства (лат.).

10

Бескорыстие (фр.).

11

«Весёлое чудовище стоит большего, чем сентиментальный зануда» (фр.).

12

По преимуществу, по сути (фр.).

13

Нераздвоенность (греч.).

14

Противоречивое суждение (лат.).

15

Укрепляющая система (фр.).

16

Беспечность (фр.).

17

Самый быстрый (итал.).

18

Добродетель (итал.).

19

С пессимистическим видом (фр.).

20

Широта симпатии (фр.).

21

Человеческий документ (фр.).

22

Всё понимать, значит всё прощать (фр.).

23

Искусство ради искусства (фр.).

24

Обеды у вельмож (фр.).

25

Описание (фр.).

26

Чудовище и хаос (фр.).

В сущности (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/fridrih-nicshe/volya-k-vlasti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)